

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РЫЦАРИ ПОРОГА

ТОМ

2

РОМАН ЗЛОТНИКОВ,
АНТОН КОРНИЛОВ

ПОСЛЕДНЯЯ КРЕПОСТЬ

Рыцари Порога

Роман ЗЛОТНИКОВ

Последняя крепость. Том 2

«Автор»

«Автор»

2012

Злотников Р. В.

Последняя крепость. Том 2 / Р. В. Злотников — «Автор»,
«Автор», 2012 — (Рыцари Порога)

Твари были и будут всегда. Твари Горного Порога, Твари Северного Порога, Твари Болотного Порога... Твари Тайных Чертогов. Где бы ни жил человек, Твари непременно туда доберутся. Сколько стоит мир, столько длится война с ними. Люди учатся уничтожать одних, но приходят другие, новые... еще более сильные. Не следует томиться ожиданиями: когда же они нанесут очередной удар? Важно быть готовым сражаться с ними каждый день, каждое мгновение. Война, начатая на заре времен, никогда не заканчивалась. Война с Тварями идет и сейчас. В Скалистых горах. На побережье Вьюжного Моря. На Туманных Болотах... И в твоём сердце.

© Злотников Р. В., 2012

© Автор, 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	5
Часть первая	14
Глава 1	14
Глава 2	30
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Роман Злотников, Антон Корнилов

Последняя крепость, том 2

Пролог

Он почувствовал их присутствие еще до того, как они появились – потому что незваные гости не таились от него. Рывком приподнялся на широкой постели и откинул балдахин. Танцующие огоньки множества напольных светильников, расставленных по всему пространству громадной королевской опочивальни, съезжились и словно бы застыли, превратившись в подобию желтых осенних листьев. И со стен, и с потолка сползли к стоящей в центре опочивальни кровати серые тени, похожие на бесшумных громадных кошек. Сползли и замерли.

«Это должно было когда-нибудь случиться», – подумал он.

А потом вспыхнул свет. Настолько яркий, что ему не сразу удалось разглядеть его источник. А разглядев, он спрыгнул с постели и накинул на плечи алую мантию. Поднимая мантию с кресла, заметил, как дрогнула рука, инстинктивно потянувшись к рукояти меча, висящего в перевязи на резной спинке кресла.

Их оказалось пятеро. Это они излучали свет, заливавший опочивальню ровными холодными волнами. Маски невиданного багрового металла поблескивали на их лицах. По лезвиям необычайно длинных и тонких мечей, висящих на поясах этих пятерых, пробегали змеистые золотые искорки... Он – король Гаэлона его величество Эрл Победитель – выпрямился перед своими незваными гостями во весь рост. Но и с высоты своего роста ему приходилось глядеть на них, задрав голову.

– Приветствую детей Высокого Народа в своем доме, – проговорил Эрл.

Невозможно было понять, кто из пятерых заговорил с ним. Голос певуче зазвенел в голове у короля, а багровые маски остались неподвижными. Впрочем, к середине фразы Эрл узнал этот голос.

– Это мой последний разговор с тобой, рыцарь, – не отвечая на приветствие, произнес Хранитель Поющих Книг Лилатирий, Глядящий Сквозь Время, – твое предательство убило во мне всякую охоту и дальше дарить тебе и твоим подданным благо мудрости Высокого Народа.

Лилатирий выдержал паузу. Стукнули запертые на засов ставни за спиной Эрла, и струи ветра, просочившиеся в щели ставен, колыхнули закрывающую окно портьеру, потекли по полу, устланному медвежьими и оленьими шкурами, плеснули по босым ногам короля. Но длинные и легкие до почти совершенной прозрачности плащи эльфов сквозняк не шелохнул.

– Высокий Народ настолько милостив, что решил дать тебе возможность искупить свою вину, – договорил Хранитель Поющих Книг.

Для того чтобы сказать то, что он собирался сказать, королю потребовалась вся его воля. Не так-то просто перечить тем, кому просто *нельзя* перечить. Но, промедлив, Эрл не успел даже раскрыть рта.

– Ты и вправду считаешь, что Высокий Народ ведет королевства людей к гибели? – прозвучал в его голове голос Лилатирия, Глядящего Сквозь Время. – Ты и вправду веришь в это?

Мысли людей для Высокого Народа были открытой книгой.

– Я не хочу в это верить, – признался король.

– Ты и не веришь, рыцарь, – на этот раз к Эрлу обращался не Лилатирий – Орелий, Принц Хрустального Дворца, Танцующий На Языках Агатового Пламени. – Вернее, колеблешься, выбирая – верить или нет. Но – оставь сомнения: те, кто принесли тебе эти вести, лгут.

– Они не могут лгать, – тихо ответил Эрл. – В этом все дело.

– Разве ты плохо знаешь людей? – усмехнулся Орелий. – Все лгут, рыцарь. А те, которые утверждают, что никогда не солгут, лгут чаще и охотнее других. Прозрей, рыцарь. Именно они, пытавшиеся ввести тебя в опасные заблуждения, и послужили причиной твоего предательства.

– К чему эти пустые разговоры?! – Голос этот, жестко лязгнувший в голове короля, не принадлежал ни Орелию, ни Лилатирию. Это говорил кто-то из тех троих, что пришли вместе с Танцующим На Языках Агатowego Пламени и Глядящим Сквозь Время. – Послушай меня, неблагодарный смертный. Склонись перед могуществом Высокого Народа, явившим тебе и твоим подданным освобождение от жестокой власти называвшего себя Константином. Сделай то, что от тебя требуется. И только тогда обретишь прощение!

– Певец Шепчущих Листьев Гразуадей, Бродящий В Сумерках Вечного Хаоса – прав, – заговорил Лилатирий. – Ты утратил наше доверие, рыцарь. И, чтобы вернуть его, тебе придется постараться. Первое, что ты должен сделать, – уничтожить двоих, нанесших тяжкое оскорбление Высокому Народу. Тебе известны их имена. Кай и Герб. Рыцари Ордена Болотной Крепости Порога.

Эрл не колебался.

– Я не сделаю этого, – сказал он.

В следующее мгновение будто кружка крутого кипятка выплеснулась ему в глаза. Король отшатнулся, хватая ртом воздух. И тут же позвоночный столб его превратился в раскаленный кинжал, буравящий плоть невыносимой болью. Не удержавшись на ногах, он упал на колени.

Ментальная сила эльфов такова, что низшие существа, оказавшиеся рядом, чувствуют их эмоции на вполне физическом уровне. А гнев, как известно, одно из самых сильных чувств...

Когда боль начала таять, а кровавая пелена в глазах рассеялась, Эрл снова обрел способность видеть и двигаться. Тяжело дыша, он поднялся на ноги, обвитый медленными нитями черного дыма, – мантия его дымилась, источая сильный запах гари.

Обстановка в опочивальне изменилась.

Король не сразу сообразил: то, что он видит, происходит на самом деле или это всего лишь обман обожженного сознания. Эльфы, до того стоявшие неподвижно, будто обряженные статуи древних богов, пришли в движение. Изящно изгибающиеся фигуры плавно закружились в пространстве, словно привидения. Казалось, их ноги вовсе не касаются покрытого звериными шкурами пола. Тонкие клинки мечей сверкали в руках детей Высокого Народа.

Еще не понимая, что случилось, но нутром чувствуя потрескивающие в воздухе сигналы опасности, король метнулся к креслу и схватил свой меч.

А потом высокие двустворчатые двери опочивальни распахнулись – с такой силой, что, треснув, отвалилась одна из створок и загудели камни мощных дворцовых стен. Яркий свет, заливавший комнату, хлынул в коридор, как поток воды в трюм ладьи с пробитым бортом. И в дверном проеме возникли две невысокие фигуры. И упали в коридор за их спинами длиннейшие тени.

Сэр Кай и сэр Герб, рыцари Ордена Болотной Крепости Порога, облаченные в свои доспехи, изготовленные из панцирей, шкур и костей Тварей Туманных Болот, с обнаженными мечами в руках ворвались в королевскую опочивальню.

Потом все происходило так быстро, что разум Эрла с трудом успевал фиксировать события.

Потолок вдруг вспух множеством мутных пузырей, с липким чмоканьем свесившихся вниз на тонких нитях – будто громадные слепые головы на хлипких шеях. И едва Эрл успел увидеть, как разверзаются черные и кривые пасти этих голов, со всхлипами втягивая в себя воздух, Герб, метнувшись вперед, швырнул вверх нечто белое, остро изогнутое, похожее на звериный клык. Клык громко хлопнул, взорвавшись тысячью мельчайших осколков, разлетев-

шихся во все стороны, – и головы-пузыри исчезли. Только лохмотья призрачной мутно-черной плоти закружились под потолком уродливыми птицами. Трое эльфов, обнажив мечи, бросились наперерез болотникам, двое остались у дальней стены. Тела эльфов сверкнули мимо Эрла белыми молниями, и король снова ослеп на несколько мгновений. Чуть проморгавшись, он услышал металлический звонкий лязг, и в белесом мареве, бултыхающемся в его глазах, вспыхнул сноп искр. Потом еще раз и еще... А потом лязганье стало непрерывным – словно десяток невидимых кузнецов заработали своими молотками. Эльфы, то взлетая, то опускаясь, металась вокруг болотников с такой скоростью, что стремительные тела их превратились в размытые световые пятна. И едва можно было рассмотреть людей за мгновенными просверками этих пятен, за вспышками искр, сопровождаемыми звонким лязгом клинка о клинок. Трудно было рассмотреть людей... Людей? Нет, одного человека... Эрл вдруг понял, что в схватке, кипящей перед ним, участвует только один болотник. Второй куда-то исчез. Погиб?

И тут за спиной короля, сшибаясь, зазвенели клинки. Он начал разворачиваться. Так молниеносно сменяли друг друга картинки действительности, что собственные движения казались его величеству медленными и неуклюжими. Мимо лица со свистом пролетела багровая маска. Эрл услышал режущее нервы шипение и боковым зрением заметил согнутую в неестественный зигзаг фигуру, а мгновением позже – завершив разворот – сумел увидеть и лицо... Лицо эльфа, корчащегося прямо перед ним и начинающего уже бессильно оседать. Лицо, в котором не осталось ни толики прекрасного. Больше всего оно напоминало теперь оскаленную от боли голую кошачью морду. Хищно сверкнули мелкие и острые выпяченные зубы, полыхнули горящие ненавистью громадные, налитые красным глаза. Шипение переросло в визг, и из оскаленной острозубой пасти вырвался рваный всплеск яркого света. Жизнь покинула тело эльфа, и он упал на пол безвольной тряпичной куклой. Кай (а значит, там, у распахнутых дверей, один против троих сражался Герб) ни секунды не медлил над поверженным врагом. Оттолкнувшись ногами от пола, он прыгнул на второго противника, но тот с невообразимой ловкостью ушел от удара, закрутившись в гудящее веретено желтого пламени.

От дверей донесся нечеловеческий, истошный, шипящий визг. Эрл, обернувшись на этот визг, вскрикнул, но за шумом битвы не услышал своего голоса. Против Герба сражалось только два противника – голова третьего покатила по полу. Подпрыгнув раз и другой, голова потеряла маску и, остановившись у ног короля, съездившись, почернела, словно от огня.

Чувство опасности заставило Эрла снова обернуться. Он только и успевал, что следить за ходом боя. Только и успевал, что крутить головой. Участвовать в бою... Об этом не могло быть и речи. А если бы он мог участвовать в сражении, имел бы для этого силы – вступил бы он в бой? Осмелился бы обнажить клинок против Высокого Народа? Он и сам не знал ответа на этот вопрос...

Разбрызгивающее огненные капли веретено несло прямо на короля. Когда он поднял меч, чтобы защититься от неминуемого столкновения... вернее, когда только подумал поднять меч – веретено немыслимым каким-то образом пролетело мимо и замерло в дальнем углу, резко остановив вращение. Огненные гудящие языки опали, явив эльфа в маске багрового металла, с одной стороны покрытой жирной копотью. Меча в руках эльфа не было, а была тонкая изогнутая трубка с неровным черным наростом на конце – будто мертвый цветок на искривленном стебле. Рядом с королем неведомо как очутился Кай.

– Ложитесь на пол, ваше величество, – услышал Эрл голос юного болотника и поразился тому, как спокойно – безо всяких признаков одышки – звучит этот голос. – Ложитесь на пол и постарайтесь не поднимать головы.

Говоря, Кай перехватил меч левой рукой, на которой был укреплен щит, а правой – сорвал с пояса метательный нож. Король не успел последовать совету болотника. Кай сам сбил его с ног. Падая, Эрл успел увидеть, как пронзил пространство опочивальни короткий нож, как

впился он точно в правую глазную прорезь багровой маски – и исчез, погрузившись в голову эльфа с рукоятью.

Но за мгновение до этого эльф сломал стебель и раздавил черный бутон в кулаке.

И тут же королевскую опочивальню... а казалось, и всю башню... а возможно, и весь дворец целиком... а может быть, и весь этот мир... сотряс мощнейший удар.

На некоторое время король словно бы потерял самого себя. Очнулся он лежащим на каменных плитах, обжигающих его обнаженное тело не холодом, а почему-то – жаром. Мысль о том, куда подевались покрывавшие пол шкуры и что случилось с его мантией и с мечом, проплыла в голове. Сквозь пульсирующий грохот крови в ушах к нему прорвался откуда-то сверху перезвон клинков. Эрл моргнул, и действительность закрутилась кувырком. Неведомая сила подбросила его величество... Он с размаху врезался во что-то, с треском под ним развалившееся. И, уже вскочив на ноги посреди разорванных перин и простыней, посреди деревянных обломков – в облаке перьев и пуха, – сообразил, что пару ударов сердца тому назад был приплюснут к потолку...

А звуки ударов клинков стали реже... и тише...

Эрл заозирался, разгоняя взмахами рук пух и перья. Он увидел, как сэр Герб, рыцарь Ордена Болотной Крепости Порога, в длинном выпаде вышиб меч из руки сражающегося с ним эльфа. Тот прыгнул в сторону, щупая руками воздух – будто искал дыру в пространстве, куда можно было нырнуть. Но не нашел, не успел. Меч Герба вошел в спину эльфа и показался из середины груди. Страшная сквозная рана полыхнула мощными лучами белого света. Мгновенно обмякшее тело соскользнуло с клинка, мягко шлепнувшись на пол – уже бесформенной грудой каких-то черных струпьев. Эрл увидел, как сэр Кай, рыцарь Ордена Болотной Крепости Порога, отшвырнул от себя щит и левой безоружной рукой хлестнул по воздуху в направлении окна – туда бежал от него, как-то уж очень медленно, сильно прихрамывая, последний из оставшихся в живых эльфов.

Ладонь левой руки Кая окуталась дымом – дымные струи вытянулись плетью. Но плеть не достигла своей цели. Полуобернувшись, эльф («Кто это? – подумал Эрл. – Орелий, Лилатирий или кто-то еще?..») свирепо сверкнул багровой маской и ловко и безошибочно прочертил в воздухе диковинный знак.

Пятно непроглядной тьмы упало на эльфа. Дымная плеть отдернулась от этой тьмы, поджалась... и развеялась тонкими, быстро растаявшими струйками. Свистнули через всю опочивальню и бесследно пропали во тьме три ножа, которые один за другим метнул в эльфа Герб.

Четырежды стукнуло сердце Эрла, и порыв ветра из окна, на котором косо висели полуоторванные ставни, разогнал черное пятно.

Эльф исчез бесследно.

И сразу стало очень тихо. Слышно было, как где-то в дворцовых коридорах перекликаются встревоженные стражники, бряцает оружие и стучат по каменным плитам пола подкованные сапоги.

Король окинул взглядом разгромленную опочивальню. Переломанная мебель, шкуры, сбитые в комья, лохмотья портьер, пятна копоти на обнажившихся плитах... Углядеть в этом кавардаке трупы эльфов было сложно. То, что осталось от детей Высокого Народа, напоминало обугленные чучела, многократно уменьшившиеся, чудовищно скукоженные, полностью лишенные каких-либо индивидуальных примет. Даже маски потеряли первоначальный свой цвет, почернели. Кай, двинувшись через опочивальню, наступил на одну из них – кажется, специально. Она хрустнула под его ногами и рассыпалась в пыль. Эрл вдруг подумал, что, стоит только коснуться какого-нибудь из эльфийских трупов, и он также превратится в труху... Понимание того, что здесь произошло, медленно заполняло его сознание. Он открыл рот, но произнес вовсе не то, что собирался. Бесполезная фраза вырвалась сама собой.

– Всыпать плетей этим ленивым ублюдкам, – хрипло проговорил король, имея в виду стражников.

И болотники поняли, о ком он говорит.

– За что же? – осведомился Герб, подходя ближе к Эрлу и снимая с головы ошетиленный шипами шлем. – Ратники, дежурившие у дверей опочивальни вашего величества, усыплены магией. Как и ваши пажи. Придут в себя они только к вечеру. А ближайший караул поспел сюда так скоро, как смог.

Словно в подтверждение его слов на пороге опочивальни показалась тройка стражников. Гремя алебардами, они завязли в дверях. И замерли с разинутыми ртами, глядя на Кая и Герба в доспехах и с мечами в руках и на короля, стоявшего рядом с болотниками, – обнаженного, перепачканного копотью, с пухом и перьями, застрявшими в спутанных золотых волосах.

– Как это – поспел так скоро, как смог? – наморщившись, спросил Эрл у Герба.

– Бой продолжался чуть более минуты, – просто объяснил болотник. Лицо его было мокрым от пота. Под глазами резко обозначились темные полукружия. Видать, это сражение стоило ему многих сил.

Эрл изумленно моргнул. Он был убежден, что бой длился никак не менее часа.

– Один все-таки ушел, – стащив с головы шлем, промолвил Кай, с сожалением цокнув языком, – так досадуют охотники, упустившие часть добычи. – Это скверно.

Юный болотник выглядел свежее. Но и у него волосы были мокры, точно его только что окатили лоханью воды. Две его налипшие на щеки седые пряди потемнели и среди остальных черных уже почти и не выделялись.

– От битвы к битве мы учимся, – сказал Герб. – Новые Твари появляются постоянно, и новых Тварей бить всегда труднее, чем тех, с которыми мы сражаемся годами. В следующий раз будет легче.

Это «в следующий раз» больно ужалило короля. Он отыскал глазами мантию – изорванную и обожженную, поднял ее, накинул на плечи и зябко запахнул полы.

– Они вернутся, – медленно выговорил Эрл. – Что тогда будет с Гаэлоном?

Хоть вопрос, кажется, и не предусматривал ответа, Кай сказал:

– Гаэлону придется нелегко... Но, ваше величество, не следует бояться трудностей.

– Я ничего не боюсь! – резковато отозвался король. Но тут же умерил тон. – Боюсь, – все-таки признался он. – Боюсь за свое королевство. За своих подданных. За свою будущую жену. И за будущих наших детей.

Он бросил взгляд в сторону стражников и, нахмурившись, жестом отослал их.

– Встаньте в конце коридора, – приказал король. – Никого сюда не пускать.

– Это верное решение, – одобрил Кай. – Останки Тварей могут обладать вредоносными свойствами. Необходимо изучить трупы.

– Необходимо изучить трупы... – медленно повторил Эрл и содрогнулся при мысли о том, *что* трупы собрались изучать болотники. – Да... Думаю, пока что это происшествие должно держать в строгой тайне. Как бы не было волнений в народе. Пусть никто не знает, что за гости посетили меня этой ночью.

– А мне кажется, ваше величество, – сказал Кай, – нет причин скрывать от людей истинного лица Тварей, угрожающих им.

– Нет причин, – снова повторил слова болотника Эрл. – Но... всему свое время.

– Главное, ваше величество, – проговорил Герб, глядя королю в глаза, – что вы понимаете: Высокий Народ – суть Твари. А Твари подлежат уничтожению.

– Я понимаю, – глухо произнес Эрл, – но...

– Но, кажется, не верите, ваше величество, – договорил за него Кай. – Так бывает, – задумчиво добавил он, взглянув на Герба, – когда сложно совместить воедино – *понимание*

чего-либо и *веру* в это что-либо. Нищий, которого тащат к виселице, прекрасно понимает, что скоро умрет. Но до последнего не верит в это, надеясь на чудо.

Эрл промолчал. Вряд ли ему понравилось сравнение с нищим. Хотя он и мысли не допускал о том, что Кай, брат его, способен сознательно нанести ему оскорбление.

– Высокий Народ – Твари, – повторил Герб. – И, значит, там, где они проникают в мир людей, лежит Порог. И, значит, нужно строить еще одну Крепость, которая навсегда замкнет этот Порог. Четвертую Крепость. Последнюю Крепость.

Кай кивнул, он прекрасно понимал, о чем идет речь. А вот Эрл, король Гаэлона Эрл Победитель, – не понимал.

– Как это? – хмурясь, спросил он. – Как это вы так определили: где лежит этот Порог? Ведь эльфы вольны входить в мир людей где угодно и когда угодно. Вы сами говорили мне об этом...

– Эльфы появляются в мире людей, – сказал Герб, – потому что люди сами позволяют им это. Люди желают этого. Эльфы приходят, чтобы посулить исполнение желаний... А взамен забирают жизни.

– Четвертый Порог лежит здесь... – сказав это, Кай коснулся сложенными щепотью пальцами лба, – и здесь. – Он приложил руку к левой стороне груди. – В голове и сердце каждого человека. В душе и разуме человека. В сокровенной его сущности.

– Говорите яснее, – попросил король. Он выискивал среди обломков кресла свою одежду.

– Как прикажете, ваше величество, – пожал плечами Кай. Для него-то уж все было яснее ясного. – Люди подвержены страстям. И потому слабы. А слабый человек не способен достичь желаемого своими силами. Он всегда будет искать возможности обходного пути... Как проще и удобней. И когда явится Тварь, он с великой радостью откликнется на посулы Твари. Только ему невдомек, что это он, он сам призвал к себе Тварь.

Эрл быстро завязал шнурки штанов, влез в сапоги и натянул нательную рубаху.

– Люди слабы, – согласился он, взявшись за шнурки рубашки, – это каждому известно. Всегда так было и всегда так будет. Даже... – он дернул уголок рта, – даже... не самые худшие из людей иногда бывают вынуждены прибегнуть к чьей-либо помощи. К помощи Тварей... И вовсе не из-за того, что снедаемы страстями. А потому что не видят другого способа исполнить свой Долг.

Герб покачал головой.

– Единственный способ исполнить Долг – это следовать Долгу, – сказал он. – Я думал, вы уже поняли это, ваше величество.

– Не всегда *веришь* в то, что *понимаешь*, – невесело усмехнулся Эрл, одергивая на себе камзол. Он уже закончил с одеванием и теперь оглядывался в поисках своего меча. – Только очень сильный человек... истинно сильный человек способен верить в себя и ни в кого больше. Такой сильный... как вы, болотники. Я уже сообразил, о чем вы хотите сказать мне, – если все люди будут сильны, верны себе и своему Долгу, так и Высокому Народу, играющему на человеческих слабостях, путь в мир людей окажется закрыт.

– Именно так, – кивнул Кай. – Вы все поняли правильно, ваше величество.

Королевский меч с головой виверны на рукояти, говорящей о принадлежности владельца меча к Братству Порога, поблескивал под одной из стен опочивальни. Клинок был скрыт скомканной медвежьей шкурой, а поверх шкуры косо торчал напольный светильник с переломленной ножкой.

– Только все дело в том, – говорил король, шагая к своему мечу, – что не каждый сумеет стать болотником. Далеко не каждый. Ты рассказывал мне, брат Кай, о том, как на Туманных Болотах юнцы становятся рыцарями... Да и брат Оттар много чего поведал о том, как проходит обучение в Северной Крепости. Поверь мне, по доброй воле пройти через такие испытания смогут... из тысячи – один или двое. Да ты и сам это знаешь. Разве все из тех, кто обучался

в Укрывище, стали рыцарями Ордена Болотной Крепости Порога? А сколько и вовсе уходили с Болот в Большой мир?

– В Большой мир уходили немногие, ваше величество, – возразил Кай. – Да и то – половина из ушедших потом возвращалась. А рыцарями становились только те, кто понимал: его путь – это путь воина, верно, ваше величество. А другие охотились в болотных лесах, чтобы снабжать Крепость дичью, выращивали рис и просо, изготавливали одежду, доспехи, оружие и утварь... лечили раненых... И все они – и рыцари, и охотники, и земледельцы, и мастера, и лекари – по праву называли себя болотниками. Болотником стать непросто, ваше величество. Но именно *каждый* может стать болотником. Если очень этого захочет.

– Если захочет... – усмехнулся король, остановившись над своим мечом. – А люди обычно хотят совершенного иного, брат Кай. Денег и власти, например. Деньги и власть. Да... в конечном итоге все упирается в это... Как ты объяснишь необходимость... стать болотником... ну, скажем... человеку, который сизмальства привык презирать тех, кто сам себе портки надевает или ложку до рта доносит? Все-таки ты еще плохо знаешь людей.

– *Вразумить* можно каждого, – уверенно сказал Кай.

– Для болотников нет ничего невозможного? – произнес король.

– Для болотников нет ничего невозможного, – спокойно подтвердил рыцарь.

Эрл наклонился над своим мечом. Взялся за рукоять и потянул меч к себе. Глухо зашуршал по шкуре светильник и клацнул о каменную плиту пола. Соскользнула на пол медвежья шкура. А под ней оказалось и кое-что еще – нечто похожее на обглоданную огнем, скрученную из тряпок куклу. Эрл замер, глядя, как по клинку его меча скользит то, в чем еще совсем недавно кипела жизнь. Тело... Тело одного из тех, перед которыми трепетали и падали ниц короли и князья. Одного из тех, кто вершил судьбы королевств; одного из тех, сокрушить которого казалось немыслимым... Невозможным.

Некоторое время Эрл стоял неподвижно, пораженный этой мыслью.

Потом выдернул меч из-под останков эльфа. Черный скукоженный труп с легким шуршанием рассыпался прахом.

Король обернулся к болотникам.

– И как же вы намереваетесь начать строить эту Крепость... Сокровенного Порога? – спросил он.

– Мы еще не все обдумали, – ответил за обоих болотников Герб. – Но в самые ближайшие дни откроем вам, ваше величество, наши замыслы.

– Сокровенный Порог, – вдруг улыбнулся Кай. – Крепость Сокровенного Порога... Мне нравится это название, ваше величество.

В конце коридора, который охраняли трое стражников, подоспевших первыми к королевской опочивальне, послышался шум. Спустя три удара сердца на пороге появился полуодетый Оттар. Трое стражников висели на нем, поблескивая кольчугами, как большие рыбыны.

– Они были здесь? – заорал верзила-северянин. – Были, да?

Он жадно заозирался.

– И все кончено, – констатировал Оттар, острым глазом различив останки эльфов среди обрывков и обломков. – Почему вы не взяли меня с собой? – обратился он к болотникам.

– Потому что ты не готов к таким битвам, – ответил Герб.

Оттар проворчал на это что-то неразборчивое.

– И как все прошло? – осведомился он.

– Четыре Твари уничтожены, – сказал Кай. – Одной удалось сбежать.

– Четы-ыре... – протянул северянин. – Ежели бы я был с вами, от нас не ушла бы ни одна Тварь!

– Я запретил кому бы то ни было входить в мою опочивальню, – строго проговорил Эрл.

– А все правильно, – сказал Оттар. – Никто еще и не входил, ваше величество. Эти парни меня задерживали... Задерживают, – поправился он и стряхнул с себя стражников. С металлическим грохотом они обрушились на пол. – Мы просто немного того... переместились по коридору. Позвольте мне войти, ваше величество?

– Позволяю, – не удержался от улыбки король.

Когда смущенно потирающие ушибленные места ратники были снова отправлены в конец коридора, Оттар заговорил неожиданно серьезно:

– Они такие неустрашимые и могущественные бойцы, как принято считать?

– Они сильные противники, – сказал Кай. – Но сила их вовсе не в воинских навыках и магическом мастерстве. Сила их в том, что люди в них верят. А в бою... Скажем так, на Туманных Болотах я встречал Тварей гораздо более опасных. Но ты, брат Оттар, все равно еще слишком неопытен, чтобы биться с эльфами.

– Мхм-м... – хрипнул северянин, сжав кулаки.

– Не печалься, брат Оттар, – успокоил его Герб. – Тебе наверняка еще представится возможность сразиться с детьми Высокого Народа.

– Вы... – Оттар искоса глянул на Эрла, – вы уже сказали брату Эрлу?.. О том, что... ну...

– Пока слишком рано, – проговорил Кай. – Мы будем говорить с его величеством тогда, когда у нас все будет готово.

Эрл ощутил несильный, но все же довольно неприятный укол. Болотники и рыцарь Ордена Северной Крепости Порога обсуждали, как защитить человечество от власти Высокого Народа – без него. Намеревались сообщить ему о своих выкладках только после того, как закончат их разрабатывать. А впрочем... как иначе? Что он смог бы подсказать им?

Оттар прошелся по опочивальне, подолгу останавливаясь там, где чернели останки эльфов.

– Как пить дать нарочно подгадали, чтобы явиться под самую свадьбу, – громко поделился своими соображениями он. – Вот гады... Что они хоть говорили тебе, брат Эрл?

Рыцарям Братства Порога – Оттару, Каю и Гербу было официально даровано право обращаться к королю без должного «ваше величество», именуя действующего монарха – братом и по имени. Но лишь один северянин пользовался этим правом. И то чаще всего, когда при разговоре не присутствовали посторонние. Болотники предпочитали обращаться к Эрлу так, как это было предписано рыцарским этикетом.

– Говорили... – повторил Эрл, подумав еще о том, что ни Каю, ни Гербу не пришло в голову поинтересоваться, какой разговор состоялся у него с посланниками Высокого Народа. – Они милостиво даровали мне последний шанс сохранить союз. Ценою жизни всего лишь двоих людей.

– Надо думать, ты отказался, – хмыкнул Оттар.

– Отказался, – кивнул король.

– Вы отказались отдать Высокому Народу наши жизни, ваше величество? – вдруг уточнил Кай. – Или отказались от возможности спасти союз с эльфами?

Эрл снова дернул углом рта. Эта привычка появилась у него не так давно. Да и – привычка ли? Скорее... первое проявление какого-то расстройства, запустившего когти в его разум.

– Я отказался казнить тебя и брата Герба, – честно ответил Эрл.

В коридоре снова послышались шаги. Но на этот раз никакого шума не было. Эту особу, направляющуюся в королевскую опочивальню, стража остановить не посмела. Только, очевидно, предупредила о приказе короля.

Лития влетела в опочивальню с обнаженным мечом в руках. Первым, на кого она бросила тревожный взгляд, был юный рыцарь-болотник Кай, – и это обстоятельство отметили все присутствующие, кроме, кажется, Оттара.

– Что здесь произошло? – выдохнула она. – Я слышала шум...

Болотники и Оттар поклонились принцессе. Только тогда она спохватилась и склонила голову перед королем.

Принцесса после своего возвращения во дворец совсем недолго забавлялась придворными нарядами. Пышные платья, сильно стесняющие движения, она очень скоро сменила на более привычные кожаные куртку и штаны. Правда, тот костюм, который пошили ей по ее специальному заказу портные Дарбионского королевского дворца, по качеству и покрою здорово отличался от того, который она носила во время своего путешествия к Туманным Болотам и обратно, но все равно в дворцовых залах он смотрелся диковато. Но как в ином одеянии Лития могла ежедневно упражняться с болотниками Каем и Гербом в фехтовании на мечах, стрельбе из лука, метании ножей и прочих воинских искусствах? Тренировки занимали большую часть ее времени, и даже подготовка к свадьбе ничего не изменила в обычном распорядке дня ее высочества. Нельзя сказать, чтобы Эрлу все это очень нравилось. Но, по крайней мере, он ни разу не позволил себе сделать своей невесте замечание. Видимо, считал, что после свадьбы все изменится.

– В коридоре собираются люди, – сообщила Лития. – Шум слышали многие... Итак... Это произошло?

– Да, ваше высочество, – ответил ей Эрл. – Это произошло.

– Был бой... Вы не пострадали, ваше величество?

– Я не пострадал. Брат Кай и брат Герб появились вовремя, – ровно проговорил король.

– И?... – Принцесса вопросительно оглядела мужчин.

– Расколошматили нелюдей, – сказал Оттар. – Один, правда, убег. Вот и я говорю, ежели я поспел бы – всех бы здесь положили.

Эрл шагнул к Литии и протянул ей руку.

– Позвольте проводить вас, ваше высочество, к вашим покоям, – предложил он. – Все уже кончено. И не след будущей королеве находиться в такой грязи. А по дороге я расскажу вам подробности случившегося.

«Она примчалась сюда, чтобы помочь – мне, – сверкнула в его голове неожиданная и такая желанная мысль. – Мне! Или... – Тут же начал угасать огонек радости. – Или... вовсе не мне?...»

Он решительно оборвал мысленную свою речь.

Лития приняла его руку. Но, уже уходя, обернулась к болотникам и северянину.

– Что же теперь будет? – не спросила, просто проговорила она.

Часть первая

Гаэлон должен быть уничтожен

Глава 1

Эта гора, возвышавшаяся всего в двух сотнях шагов от южных ворот Дарбиона, называлась Бычий Рог. Вершина ее чуть нагибалась к земле, оттого гора и впрямь напоминала рог быка-исполина, в незапамятные времена завязшего в земной тверди. Окрестности Бычьего Рога всегда были безлюдны, разве что пастухи коз из близлежащей деревеньки забредали сюда, чтобы отдохнуть в тени, пока их подопечные щипали травку и обгладывали кустарники. Да вездесущие мальчишки, городские или деревенские, иногда предпринимали вылазки к Бычьему Рогу – ползать по горным кручам, сунуть нос в неглубокие пещеры и поискать среди огромных валунов поросли ежевики. На вершину Рога, где ветер раскачивал кривые ветви чахлах деревьев, вряд ли кто-нибудь когда-нибудь поднимался – разве что те самые мальчишки. Ну а кому, кроме малолетних несмышленишек, придет в голову тратить силы и время на такое совершенно бесполезное занятие?

Но сегодня подножие Бычьего Рога кишело народом. Городские бедняки и мужики из расположенных рядом деревень, сгрудившись кучками, возбужденно обсуждали что-то между собой, орали кто во что горазд, размахивали руками... Люд побогаче и посолидней – торговцы и мастеровые – вели себя более сдержанно: переговариваясь, неодобрительно поглядывали на распоясавшуюся бедноту. В сторонке, в окружении стреноженных коней, располагались со своими слугами знатные дарбионцы. Благородные мужи неспешно вели беседы и, казалось, вовсе не замечали шумного соседства, видно почитая чернь чем-то вроде необязательной части пейзажа – пасущегося стада, например, или вороньей стаи, рассеявшейся на камнях и ветвях кустарников.

Как обычно бывает при большом стечении народа, шныряли в толпе совсем уж подозрительные типы, на рожах у которых без труда прочитывалась готовность хватать все, что плохо лежит.

Были здесь и такие, кто в ожидании того, что вот-вот должно произойти, разлеглись на травке с нехитрой закуской и выпивкой. Кое-кто из этих компаний затягивал уже песни, кое-кто затевал перебранки, грозившие перерасти в потасовки.

Но больше всего среди собравшихся оказалось людей молодых: совсем сопливых мальчишек, юношей, у которых только-только начали пробиваться усишки, и парней того возраста, когда ты уже вполне взрослый для того, чтобы иметь жену и детей, но еще слишком незрел для того, чтобы все свои силы отдавать семье и работе, предпочитая этому забавы с друзьями.

Мальчишки с головою ушли в свои игры: прыгали по камням подножия Бычьего Рога, гонялись друг за другом, лавируя между группами взрослых, сражались на мечах и копьях, роль которых с успехом исполняли сломанные ветви. Те, кто постарше, затевали поединки посерьезней – на кулачках. Ну а великовозрастные парни держались поближе к мужикам. Впрочем, многие из них поглядывали на веселье своих недавних сверстников с нескрываемой завистью.

Какой-то заросший бородой мужичонка (судя по изорванной запыленной одежде и испитой багровой физиономии, бродяга, тащившийся в Дарбион в поисках дармового куска хлеба), углядев с дороги толпу у подножия горы, решил, что великий город еще пару часов потерпит и без него, – и свернул к Бычьему Рогу.

– А чего это, добрые люди, тут такое творится? – осведомился он, остановившись у одной из выпивающих компаний. – Праздник, что ли, какой, а? Шел я мимо, дай, думаю, разузнаю... Любопытно стало.

– А тебе что за дело, борода? – подозрительно отреагировал один из бражников. – Шел мимо, вот и иди. Праздник ему... Обрадовался. Небось на дармовщинку выпить намеревался?

– Что ты сразу гавкаешь, Браим? – раздался куда более добродушный голос. – Ты, добрый человек, сидай сюда... Рядом со мной. Хлебнешь малость?

– Еще спрашиваешь его, Агай! – хмуро гмыкнул Браим. – А зачем он тогда подходил-то?

– Тебя как звать? – осведомился Агай у бродяги.

– Зови Гусем, – отозвался бродяга. – Меня так все зовут.

– Ну и имечко! – покривился Браим. – Гусь! Гусь Бородатый!

– Не имя это, наверное, а прозвище, – предположил Агай.

Бродягу Гуся и вправду дважды упрашивать не пришлось. Он мгновенно приземлился под бок к добродушному Агаю, почтительно принял глиняный осколок с кислым вином.

– Тут, дружище, вовсе не на праздник мы собрались. – Агаю явно прискучила беседа со своими собутыльниками, и он рад был появлению нового лица. – Тут такое дело... В Училище мы, того... набираться пришли.

Гусь высосал вино, утер бороду грязной ладонью и только тогда вежливо поинтересовался:

– В какое Училище?

– Ты издалека идешь, еще, верно, не слышал, – ответствовал Агай. – Его величество изволил указ издать. А в том указе сказано, что, мол, будет в Дарбионе такое Училище, где любого, кто только пожелает, учить будут для королевской службы. Понимаешь? Любого – кто только пожелает!

– Для королевской службы? – вытаращился бродяга. – Любого?!

– Ну. – Довольный произведенным эффектом, Агай даже захохотал. – Для королевской. И – любого. Хоть вот тебя.

Подергав себя за бороду, Гусь закашлялся. То ли от изумления, то ли намекая на то, что в горле у него все еще сухо и неплохо было бы глотнуть винца.

– И кормить тебя будут в этом Училище. И платить ничего за учебу не надо, – продолжал Агай, плеснув вина в подставленный бродягой осколок. – Наоборот, как год отучишься – получаешь сотню золотых гаэлонов и вдобавок назначение на службу его величества. Во дворце ли, в Дарбионе ли, в другом каком городе – про то в указе не говорилось. Это уж как будет, так будет. Только вот, говорили еще, что, как зачнешь в этом Училище учиться, ходу назад тебе не останется. Не отпустят, значит. То есть отпустят, но не раньше, чем через год. Когда все науки постигнешь.

Бродяга по прозвищу Гусь по очереди оглядел ухмыляющиеся лица бражников. Потом кивнул и соорудил серьезную мину. Нисколько он Агаю не поверил, но покинуть компанию тем не менее намерения не изъявлял. Дурачили его, видно, да и пусть. От этого не полиняешь и кусок от тебя не отвалится. Зато – вон тот же Агай опять потянулся за кувшином. А в кувшине-то, как успел определить опытным глазом бродяга, больше половины прохладного кислого вина...

– Чудно тебе? – спросил Агай. – Вот и нам чудно тоже. Как-то оно... не по-людски получается. Ну, непривычно как-то. Но раз уж его величество так сказал – значит, дело верное...

– А чему учить будут? – решив подыгрывать мужикам и дальше, поинтересовался бородатый.

– Про это в указе говорилось, – сказал Агай. – Учить будут многим премудростям. Грамоте, счету, воинским искусствам. И даже... – он выдержал многозначительную паузу, – магии...

Бородатый Гусь инстинктивно втянул голову в плечи.

– Так ить... – пробормотал он. – Запретили ж ее. Строго-настрога... Кроме Сферы Жизни-то... А которые не подчинятся – тех на кострах палят... Разогнал магов-то его величество.

– Это он плохих разогнал, – со снисходительностью столичного жителя пояснил Агай. – Которые его погубить хотели. А хороших не разгонял. И на кострах у нас уже не палят никого. Ты и этого не слыхал? Тот указ вместе с указом об Училище на площадях читали.

– Ну дела-а... – протянул бродяга. – Вот ведь дела-а... – повторил он, как бы невзначай подвигая пальцем отданный ему в пользование глиняный осколок поближе к кувшину.

Браим неодобрительно покосился на бродягу, взял кувшин и налил себе полную кружку. Его примеру последовали все остальные. Бродяга с тоской посмотрел на кувшин, почти что опустошенный, и вздохнул.

– М-да, хорошо! – отпив из кружки, выдохнул Агай и ласково прищурился на солнце. – А помните, братцы, вино, каким потчевали на Поле Плах в день свадьбы его величества Эрла Победителя и ее высочества принцессы Литии? Эх и вкусное было!

– Главное, что много, а не что – вкусное, – возразил Браим. – Я вот, между прочим, до того, как бочки стали выкатывать, ни капли не пил. Спросите почему? Да потому что, когда бочки выкатили, все к ним рванули да драться начали, как водится. Только уж половина к тому времени едва на ногах держалась, а я – свеженький был. Одному по уху – раз! Второму – в нос! Всех раскидал и первым у бочек оказался.

Мужики закивали, отдавая должное уму и сообразительности Браима. Только Агай обиженно сморщился.

– По уху, по носу... – проворчал он. – Ты же мне по ребрам засветил, бычара дурной. Не помнишь? Я ж рядом с тобой стоял в той толпе.

– Стоял, – хмыкнул Браим. – Стоял он. Ежели б я тебя за шкирняк не поддерживал, стоял бы ты... Скажи спасибо, что не растоптали тебя...

Агай спасибо никому говорить не стал. Он надулся и замолчал. Тут Браим поглядел на бродягу. Бородатый Гусь сидел, трагически хлопая глазами, ни жив ни мертв.

– Эй, ты! – позвал Браим. – Слышь, борода? Ты чего суксился?

– Неужто опоздал я?... – простонал бродяга. – Неужто свадьбу уже отпраздновали?

Дружный хохот стал ему ответом. Даже Агай, забыв про свою обиду, рассмеялся.

– Шесть дней шел... – стонал бродяга. – И днями, и ночами... Под кустиком приседал отдохнуть на часок – и дальше шел... Ноги в кровь стер... О, Вайар Светозарный! О, лукавый Гарнак! За что же мне муки такие...

– На-ка хлебни, болезный, – протянул ему свою кружку Агай. – Да не причитай так громко. На твой век вина хватит.

Гусь окунул в кружку бороду и жадно захлюпал. Когда он поднял лицо, компания с жаром предавалась воспоминаниям о двух счастливейших в их жизни ночах, когда весь Дарбион праздновал королевскую свадьбу. Вздохнув, бродяга тихо отполз в сторону. На его исчезновение никто из бражников не обратил внимания.

Бородатый бродяга потолкался немного в гудящей толпе и, услышав там подтверждение рассказа Агая об Училище, решил пока что никуда отсюда не отлучаться. Конечно, дикие глупости – все эти разговоры о том, что король вдруг вознамерился задаром обучать кого попало различным премудростям, да еще и кормить, да еще и жилье предоставлять... Да еще и награждать сотней золотых после года такой жизни, да еще и – в придачу к золоту – на службу к

себе брать. Но... кто его знает. Столько народу зараз не может просто так собраться. Уж на королевскую свадьбу не попал, так, может быть, здесь что-нибудь обломится...

Люди стали собираться у подножия Бычьего Рога с рассветом, а сейчас время близилось к полудню. Ожидание затягивалось, и нестройная разрозненная толпа начала организовываться в подобие общества. Кто-то из проголодавшихся аристократов послал слуг в город за провизией, в кругу знати на траве расстилались плащи, мужички из тех, что победнее, помогали слугам наломать веток для костра, за что были вознаграждены ломтями хлеба и остатками вина из фляг. Заверещал пойманный с поличным воришка – пытался срезать сумку с задремавшего деревенского парня. Земляки парня хотели было воришку, как полагается, при поимке немедленно отлупить, раздеть, обвалить в грязи и в таком виде отправить восвояси, но тут вмешались городские, из тех, что побогаче. Дарбионским мастеровым и торговцам подобный вид наказания показался варварским. Посовещавшись между собой, они решили, что воришка заслуживает всего лишь хорошей порки. Тут же появился и кнут, тут же появились и охотники привести приговор в исполнение. Но к доморощенным судьям и палачам явился слуга одного из аристократов и объявил: мол, господа интересуются, почему шум. Воришку поволокли туда, где закусывала и выпивала знать. Вместе с теми, кто тащил несчастного, повалили и все остальные. Благородные мужи, вольготно раскинувшись на плащах, приступили к судилищу, которое вдруг прервалось, когда выяснилось, что воришка умудрился улизнуть из рук мужиков, слушавших разглагольствования господ с раскрытыми ртами. Тогда праведный гнев и жажда наказать хоть кого-нибудь обрушились на тех, кто воришку стерег... Принялись судить незадачливых сторожей.

На троих мужчин, сидевших на большом камне под горой с самого рассвета, мало кто обращал внимание, хотя они явились к Бычьему Рогу первыми. Одеты мужчины были небогато и неброско. Невысокого роста юноша, в чьих длинных черных волосах белели две седые пряди, был в серой куртке и просторных кожаных штанах, заправленных в низкие сапоги. Мощный торс сидящего рядом с ним светловолосого верзилы обтягивала простая белая рубаха с закатанными рукавами. Штаны у верзилы были короткие, чуть ниже колен, а сапоги – пошитые из толстой воловьей кожи, с мощными подошвами, подбитыми металлическими шипами. Третий мужчина – сухопарый старик с аккуратно подстриженной белой бородой – одет был в белую рубаху и белые штаны, а обут – в кожаные легкие сандалии. Ни у одного из этих троих оружия при себе не имелось.

Когда слуги аристократов уже начали вязать упустивших воришку мужиков, юноша с седыми прядями в волосах взглянул на белобородого старика.

– Я думал, что откликнется одна молодежь, брат Герб, – сказал он ему.

– Предложение чересчур заманчиво, – улыбнулся Герб.

– Явился кое-кто из знати. Вот это хорошо. Это действительно хорошо. Признаться, я не предполагал, что кого-то из них заинтересует наше Училище. Впрочем... здесь только те, кого никак нельзя назвать богачами. И чье положение при дворе – невысоко.

– Это ж с ума сойти, сколько народа! – покрутил белобрысой головой верзила. – Прорва народа! Сотни две точно наберется.

– Это еще только начало, брат Оттар, – сказал Герб. – Пока глашатаи объявили о наборе в Училище только в одном Дарбионе. Посмотришь, что будет твориться здесь через несколько дней – когда новости прокатятся по окрестным городам и селам. А что будет потом... спустя несколько недель...

Оттар хмыкнул.

– Кого только нет... – Он приложил руку козырьком ко лбу. – Гляньте, и сэр Матиан тут. Помните? Тот, кто на свадьбе его величества наблевал в блюдо с жареными куропатками, а

потом свалился под стол. Я думал, он тут же и заснет, полез вытаскивать, чтобы его собаки не покусали, – а он сам их кусать начал, защищался... Конечно, помните, еще бы, такое забыть... Хэх... Но не пора ли начинать, брат Кай? – спросил он, потягиваясь.

Юноша снова взглянул на старика Герба. Герб разрешающе кивнул.

– Пора, – сказал Кай. И хлопнул Оттара по плечу. – Вот ты и начинай!

– Это я с радостью! – ответил верзила и с неожиданной для своего дюжего тела легкостью вскочил на ноги – прыгнул на соседний камень, откуда ловко вскарабкался на небольшую площадку: с этой площадки он мог видеть всех собравшихся, а все собравшиеся могли видеть его.

– Подданные великого королевства Гаэлон! – зычно заревел Оттар с высоты и взмахнул руками. – Эй, все! Ну-ка, посмотрите на меня!

На него посмотрели. Аристократы оживленно заговорили между собой – многие из них узнали рыцаря Ордена Северной Крепости Порога. А простой люд засвистел и заулюлюкал: кое-кто мог видеть Оттара рядом с королем на свадебной церемонии, но тогда одет северянин был совсем по-другому. Теперь же, в простой рубахе и коротких штанах, рыцарь мало чем отличался от обычного парня, одного из тех, кто пришел сегодня к Бычьему Рогу.

– Зачем вы явились сюда? – гаркнул северянин.

– Так знамо зачем, – ответил густым басом за всех здоровенный какой-то мужчина, по виду – кузнец или рабочий с песчаных отвалов, что располагались невдалеке от Дарбиона, – мы в Училище хотим. По указу его величества: каждый может, того... сотню золотых получить и место на королевской службе. Не так разве?

– Так, – подтвердил Оттар. – Каждый. Любой, кто только пожелает. Хоть хромой, хоть косою, хоть... В общем, каждый.

– И баба? – под общий гогот уточнил кто-то из гущи толпы.

– И баба, – неожиданно сказал северянин.

– А ты-то сам кто такой? – пробасил чернобородый. – Чего туда взгромоздился?

– А я тот, кто должен помочь вам... получить золото и место, как ты говоришь, – бодро ответил Оттар. – Только, чтобы все это заиметь, нужно год учиться. Про это забыли?

– Да готовы мы учиться! – раздался из толпы явно нетрезвый голос. – Чего там! За сотню золотых мы на что хошь готовы. Хоть вот прямо сейчас и начинай...

Послышался смех.

– И еще хочу всем напомнить – тот, кто поступит в Училище, должен будет пробыть там весь год, никуда не отлучаясь... Ну, разве что по особому позволению.

– Да хоть два года! – откликнулись из толпы. – Ежели кормят и поят, чего уходить? В таком разе меня вот, например, хоть коромыслом оттедова гони, я не уйду – зубами за землю цепляться буду.

– Готовы! – под общий смех прокричали сразу несколько глоток. – Готовы мы!

– А раз готовы, – весело оскалился Оттар в тон весельчакам, – так и правда – сейчас и начнем.

– Да где ж оно – Училище-то? – окликнул северянина еще кто-то.

– Отсюда не видать, – ответил верзила-рыцарь. – Но ворота в него – вот эта гора.

Народ недоуменно примолк. Кое-кто снова засмеялся.

– Значит, так, – заговорил Оттар серьезно. – Все, кто хочет попасть в Училище, снимают рубахи, куртки или плащи, связывают их в узлы... я покажу как, если кто не сообразит... И набивают узлы камнями – вон их сколько здесь валяется. А потом с этими узлами на плечах... – он очертил рукой в воздухе полукруг и ткнул пальцем вверх, – поднимаются на вершину Рога. И спускаются по ту сторону. Вас встретят. Кто путь этот преодолеет и камней не растеряет, тот, считай, уже и рекрут Училища. Понятно?

Народ все так же молчал. Но никто уже не смеялся. Такого поворота дела люди не ожидали.

– А что ж тут непонятного? – удивился Оттар. – Чего ждем-то? Набить узлы камнями – и вперед. Ну? Нет желающих, что ли? А на хрена, спрашивается, вы сюда перлись?

Понемногу, смущенно оглядываясь друг на друга, люди начали стаскивать с себя рубахи и куртки. И тогда к подножию горы двинулись благородные мужи. Слуги расчищали дорогу своим господам, не скупясь на пинки и затрешины.

– Сэр Оттар! – позвал северянина идущий первым краснощекий толстячок в камзоле, хоть добротном и опрятном, но лишенном всяческих украшений. – Приветствую вас! Сэр Кай и сэр Герб, приветствую и вас тоже. К глубокому моему сожалению, вы не изволили показаться раньше, по каковой причине и лишили меня и моих друзей удовольствия угостить вас кубком доброго вина, какового только два кувшина доставили мне с виноградников далекой Орабии...

Кай и Герб, поднявшись на ноги, ответили на приветствие поклоном.

– А-а, сэр Матиан! И вы здесь, граф! – воскликнул северный рыцарь, будто только что и заметил поздоровавшегося с ним. – Не видал вас со дня свадьбы его величества... Решили стать рекрутом нашего Училища?

Граф Матиан, владелец небольшого полуразрушенного замка в часе езды от Дарбиона и одной деревеньки в полдесятка дворов, улыбнувшись, развел руками.

– Увы, сэр Оттар, – учтиво проговорил он. – Мое время прошло. Но вот из моего сына... – он вытолкнул перед собой юнца, в отличие от него самого – щуплого и долговязого, – я уверен, получится отличный вельможа. Вам и учить его почти ничему не придется. Якоб умеет читать и недурно владеет мечом...

Мужики, услышав, как граф Матиан именует этого здоровенного парня, загомонили. Имена рыцарей Братства Порога в Дарбионе знали хорошо. Те, кто еще колебался – раздеваться им или погодить, – торопливо начали скидывать рубахи. Отношение горожан к болотникам и рыцарю Северной Крепости за последнее время резко изменилось к лучшему. Все-таки сейчас не было особ более приближенных к королю, чем эти трое рыцарей Порога.

– Отдаю должное вашему уму и смекалке, благородные сэры, – продолжал упражняться в любезностях граф Матиан. – Это испытание, которое вы придумали... – он с преувеличенным восхищением цокнул языком и покрутил головой, – просто великолепно! Среди черни слишком много ни на что не годного пьяного сброда. Надеюсь, в этом испытании отсеется половина из пришедших сюда жадных до наживы скотов... Осмелюсь дать вам совет: проведите и еще одно испытание – на знание грамоты. А? Или опробуйте поступающих в соколиной охоте и верховой езде. Или в бою на мечах. Ручаюсь, мой мальчик окажется первым из первых! Я сам учил его. Что ж... – закончил граф, – не буду вам мешать, благородные сэры. Скажу еще: не забывайте, вы всегда желанные гости в моем замке. Пойдем, Якоб, – сэр Матиан положил руку на плечо сыну, – поглядим, как это отребье будет карабкаться по валунам.

Оттар почесал в затылке и озадаченно посмотрел вниз – на Кая.

– Сэр Матиан, – проговорил юный болотник. – Возможно, вы несколько поторопились с выводами. Дело в том, что это испытание – для *всех*. Только поднявшись на гору с узлом камней на плечах и спустившись по ту сторону, можно стать рекрутом Училища.

Несколько минут граф переваривал услышанное. Вытянулись физиономии и у прочих аристократов.

– Не хотите ли вы сказать, сэр Кай... – запинаясь, начал Матиан, но не закончил. Потому что вступил Герб.

– Я Старший мастер Училища, – проговорил старик вроде бы и не громко, но почему-то его отлично расслышали все, кто находился в тот момент у подножия Бычьего Рога. – И я говорю: мне совершенно безразлично, кто начинает подъем. Но спускаются на землю по ту сторону горы – рекруты Училища. Это все.

Еще некоторое время аристократы переговаривались друг с другом. Между тем около десятка кандидатов в рекруты из простолюдинов (преимущественно молодые парни и мальчишки) уже успели набить свои рубахи и куртки камнями, укрепить их с помощью связанных вместе рукавов за спиной – на манер сумы. И теперь переминались с ноги на ногу, не смея начать испытание прежде господ.

– Чего вы ждете? – крикнул вниз Оттар.

– Так ить... – неуверенно ответили ему, – оно ведь... вот как...

– Быстрее начнем, быстрее закончим, – подстегнул еще северянин.

Граф Матиан повернулся и задрал голову. Лицо его было теперь пунцово-красным и лоснилось потом, будто он бежал час, не останавливаясь.

– Сэр Оттар! – дребезжащим голосом воззвал Матиан. – Не хотите ли вы сказать, что простолюдины начнут испытание первыми?

– Ты слышал, что сказал брат Герб, сэр Матиан, – ответил Оттар.

– Но это... это противоречит... противоречит всему! – выкрикнул Матиан. – Какое право имеет чернь лезть вперед благородных мужей?

Тогда заговорил Кай.

– Сэр Матиан, – сказал он. – Ваши предки когда-то заслужили право считаться сильнее, умнее и храбрее других. Достойнее других. Это же право вы получили по наследству. Не находите ли вы, что было бы справедливо – сейчас доказать ваше превосходство?

Граф не нашелся, что ответить. Он только беспомощно оглянулся на равных себе... и всплеснул руками. И дал знак слугам – те бросились разоблачать также растерявшегося юного Якоба.

Первые из кандидатов в рекруты Училища ринулись на валуны Бычьего Рога.

Немногим хватило задора, чтобы одолеть даже первую, относительно пологую, треть горы. Люди отчего-то вообразили, что подъем – это гонка, где только пришедшие первыми получают приз. Поэтому больше половины начавших подъем, сумев взобраться на небольшую высоту, второпях скovyрнулись с валунов и покатались вниз, едва успев отцепить от себя узлы с камнями. Впрочем, серьезно никто не пострадал – болотники шли следом за кандидатами в рекруты и ловили испуганно вопящих, кувyркающихся по камням мужиков. Спасенные, потирая ушибы, к земной тверди спускались самостоятельно. У подножия ждал их Оттар.

– Какую ты ногу сломал? – увещевал он заливавшегося слезами парня. – Ну-ка, дай глянуть... И где она сломана? Синяк, и все. Где твоя рубаха? Набивай ее снова камнями, связывай, взваливай на плечи – и вперед... А ты куда полез? Эй, тебе говорю! Стой!

Мужичок, которого окликнул северный рыцарь, сползал с валуна, бессмысленно улыбаясь. Утвердившись на земле, он покачнулся, оборачиваясь.

– Узел твой где? – строго спросил Оттар, подойдя к нему ближе. – Ясно же было говорено, только... Э-э, брат, – шумно потянув носом, прервал сам себя северянин. – Иди-ка пропись сначала.

Мужичок не протестовал. Он рухнул наземь и немедленно захрапел прямо там, где только что стоял. Оттар отволол его в сторонку и тут же метнулся обратно, чтобы схватить за шкуру давешнего здоровенного чернобородого мужичину.

– Эт-то что такое? – осведомился рыцарь, отнимая у него раздувшийся узел. – Ах ты... шкура ты, брат...

Мужичина смущенно покашливал, пока северянин вытряхивал из его узла комья земли, пучки травы и охапки листьев.

– Кого обмануть хотел? – рычал на него Оттар. – Меня, что ли? Дурья твоя башка, дать бы тебе за этакое хорошенько... А ну, бери камни! Еще раз что-нибудь замечу – пеняй на себя.

Первая людская волна, захлестнувшая Бычий Рог, быстро отхлынула. Никак не меньше двух десятков неудавшихся скалолазов, постанывая, лежали на травке. Еще столько же, отряхи-

вая запыленную одежду и пиная валяющиеся под ногами узлы, стояли рядом – бросали враждебные взгляды на недостижимую вершину, собирались с духом, чтобы предпринять еще одну попытку. Несколько человек, нагрузив узлы камнями, вместо того чтобы начать штурм горы, занимались тем, что шипели друг на друга, выясняя, кто должен пойти первым, а кто – следом за ним. А кое-кто и вовсе, кажется, не собирался никуда карабкаться. Поглядывал на других.

Всего шестеро – молодые парни и крепкие мужики – упрямо продолжали ползти вверх по камням, приближаясь к вершине. Болотники сопровождали их.

– Н-да... – оценил Оттар, посмотрев вверх, – негусто... Эй, народ! – обратился он к собравшимся у подножия. – Чего зря тут толкаться? Давайте: или в гору, или по домам.

– Да как это по домам-то? – хмуро отозвались из толпы. – Сто золотых – не овечий же хвост... И на королевскую службу попасть хочется.

– Ну так и вперед, – пожал плечами Оттар. – Чего тогда рассусоливать?

– Да кости-то небось свои, а не чьи-нибудь, – ответил ему тот же голос. – Кому охота их ломать?

Северянин только хмыкнул. Возможно, он и сказал бы что-нибудь, но не успел – метнулся к ближайшему валуну, на который тройка слуг пыталась взгромоздить юного Якоба. Отпрыск сэра Матиана сосредоточенно хмурился и пытался. Сам граф громкими криками понукал слуг, один из которых тащил на себе предназначенный Якобу узел с камнями. Слуги другого аристократа – барона Тутам – оказались изобретательнее. Обвязав своего господина, малорослого рыжеволосого крепыша, под мышками веревкой, они взобрались на тот самый камень, где сидели, ожидая, пока соберется народ, рыцари Братства Порога, – и втроем тянули туда Тутам. Барон милостиво помогал слугам тащить себя, мелко перебирая ногами.

Оттар не стал тратить слов. Тычками и затрещинами разогнав слуг, он вручил отобранный у них узел Якобу и молча указал тому вверх. Потом схватил веревку, на конце которой болтался Тутам. Слуги барона, чтобы не сверзиться вниз, вовремя разжали руки – Тутам съехал по валуну на землю и мягко шлепнулся на задницу.

– Сказано же было! – рявкнул северянин. – Узел за плечи – и на гору! Чего непонятного?

– Сэр Оттар! – оскорбленно подступил к нему граф Матиан. – Где это видано, чтобы?..

– Узел на плечи – и на гору! – отрезал Оттар и отвернулся от графа.

Тот оторопело смолк. Но только на минуту.

– Чего глазами хлопаешь, болван?! – заорал Матиан на сына, растерянно прижимавшего к груди свой узел. – Оглох, что ли? Доблестный сэр Оттар что сказал? А ну – карабкайся, орясина!

Один из графских слуг отошел подальше от своих господ, задумчиво глядел вверх, как бы нечаянно крутя шнурки своего камзола и распуская их.

– Во, – подбодрил его Оттар, – и думать тут нечего. Скидай камзол, сыпь туда булыжники. Парень ты крепкий, вмиг долетишь до вершины.

Слуга посмотрел на Оттара, потом оглянулся на графа. Тот ничего не сказал, только поджал пухлые губы. И парень, решившись, принялся развязывать шнурки. Его примеру последовали двое слуг барона Тутам.

– Ку-уда? – заревел на них Тутам. – А ну назад! Плетей захотели? Только посмейте мне шаг шагнуть к горе! Плетей получите! А вот жалованья – как раз не получите!

Угрозы эти на слуг не подействовали. Вернее, подействовали, но не так, как хотелось бы барону. Слуги, переглянувшись, стали разоблачаться быстрее.

Барон Тутам, хрипя проклятия, повесил через плечо узел с камнями и решительно направился к горе. Якоб (отец все-таки помог ему закрепить узел за спиной так, чтобы руки юноши оставались свободными) пошел следом за бароном. А потом к валунам подножия Бычьего Рога двинулись и другие. Вторая людская волна накатила на гору.

Гором, сын деревенского кузнеца, вскарабкавшись на широкую площадку, где могли уместиться человек пять, глянул вниз и довольно усмехнулся. Вона, ползут... Все подножие облепили, как мухи... Ладони парня были сбиты в кровь, спину ломило – скрученная узлом рубашка, укрепленная за плечами с помощью связанных между собой рукавов, трещала от тяжести наполнявших ее камней. Но это было неважно. Он не очень-то и устал, обогнав всех. До вершины оставалось всего-то – пара рывков. А спуститься вниз – это наверняка полегче подъема будет. И все – и он уже рекрут Училища! Самый первый!

Гором и не сомневался, что так оно и получится. А как же иначе? Ему совсем недавно исполнилось пятнадцать, а сильнее его во всей округе не было. Взрослые мужики – и те не осмеливались по праздникам биться с ним на кулаках после того случая, когда Гором на прошлогодний День Урожая закатал Битюгу Галу по лбу так, что того полночи водой отливали. И с тех пор не находилось для Горомы достойного соперника. Даже отец родной парня драть побаивался. А ну как нарвешься, чего доброго, на молодой кулак? А драть сына было за что. Не проходило и дня, чтобы Гором в чем-нибудь не отличился. То своротит соседский забор, то собаку чью-нибудь придушит. То накостыляет кому-нибудь просто так, от скуки. А не далее как неделю тому назад Гором в одиночку разгромил трактир, что стоял на дорожном перекрестке недалеко от его деревни. В тот трактир парень часто навещался – в надежде схлестнуться с кем-нибудь. Свои-то, деревенские, с ним не связывались, знали, чем дело может кончиться. А проезжающие не знали, не могли знать. В тот раз Гором вроде как случайно опрокинул кружку пива на какого-то купчика. А с купчиком за столом сидели два мордovorота, нанятые, верно, чтобы от лихих людей на дорогах товар охранять. Да еще кучер. Кивнул купец этому кучеру, тот поднял кнут – огреть нахала – и через мгновение полетел с лавки от крепкого удара в ухо. Мордovorоты повскакали, взялись за дубинки – и пошло веселье. Когда все закончилось, в зале трактира не осталось ни одной целой лавки, ни одного целого стола. А уж про бутылки, миски, кувшины, кружки, челюсти, носы присутствующих и тому подобные более хрупкие предметы – и говорить нечего... Гором ушел домой довольный, хоть и несколько потрепанный. Наутро к его отцу явился трактирщик с жалобами, но, кроме пары синяков, не добился ничего – к нему из дома вышел не кузнец, а сам Гором... Только спустя пару дней узнал парень, что трактирщик, оказывается, получив от него по шее, отправился к деревенскому старосте. А староста, которому Гором давно уже был как заноза в заднице, обещал трактирщику известить о буйном сыне кузнеца самого его сиятельство барона Патрума... А у его сиятельства разговор короткий. Гончар Базум, года три назад по пьяной лавочке начистивший харю одному из баронских ратников, до сих пор томился в подвале замка Патрума. И сколько еще ему предстояло томиться – неизвестно. Потому что у его сиятельства не только разговор был короткий, но и – память. Законопатил мужика в застенки, да и забыл о нем...

Отец Горомы, наущаемый, к слову сказать, всей деревней, давно уже намекал отпрыску, что пора бы приложить руки к какому-нибудь делу. Например, поступить на службу в городскую стражу Дарбиона. Сам Гором вроде бы и соглашался, но перебираться в город не спешил. Была у парня давняя и тайная мечта. С самого детства грезил он о разгульной и свободной жизни Лесных Братьев. Что там стража! Бродить по грязным улицам, подбирать пьяных и гонять базарных воришек? Подчиняться капитанам, которые – как всем известно – сплошь пьяницы и заядлые игроки в кости?.. Нет уж. Лучше стать разбойником – и непременно атаманом, чтобы никого над тобой не было. Никого! Чтобы делать все, что вздумается, все, что в голову взбредет. Вот это настоящая жизнь для такого удалого молодца, как Гором! Никто ему тогда не будет страшен. Ни барон Патрум, ни какой другой сиятельный господин. Ни... даже сам король!

Но разбойников поблизости не водилось. Уходить в неизвестность парню, привыкшему сладко есть и мягко спать, не хотелось. Но уходить надо было. Со дня на день должен был барон прислать ратников за Горомом. Собрался уж парень в Дарбион, в стражники наниматься, но

тут пронесся слух про Училище. Из своей деревни только он один и отправился к Бычьему Рогу. Прочие деревенские понимали: нечего там делать, в этом Училище, ежели такой волчара, как Гором, туда поступит...

Парень ненадолго привалился спиной к камню, давая отдых плечам. Он уже собирался вставать и продолжать восхождение, когда на ту же площадку влез незнакомый ему мужик, жилистый, весь обвитый тугими веревками мышц. Узел из грязной и заплатанной кожаной куртки висел на спине мужика, на поясном ремне. Увидев Горому, он весело подмигнул ему – мол, молодцы мы с тобой, всех опередили. И улегся рядом, тяжело дыша, пропыхтел только:

– А чуть-чуть всего осталось, да, земляк?

Парень скривился. Не нужны ему были никакие земляки. Плевал он на всех. Все время до того момента, как началось испытание, просидел в сторонке, презрительно поглядывая на окружающих, ни слова никому не сказал. Ясно было, что среди этого пьяного сброда – он самый сильный, самый смелый и самый ловкий. Первый! И ни с кем первенство свое Гором делить не собирался. А этот незнакомец – вон какой, крепкий и ладный. Вдруг да и опередит его, Горому? Ну, конечно, в том случае, ежели Гором ногу подвернет... или еще там чего.

Мужик приподнялся. Дышал он уже размеренно, хоть все еще глубоко. «Быстро очухался», – с неудовольствием подумал парень. Мужик снова подмигнул ему, и это окончательно взбесило Горому. Он подтянул к себе ногу, готовясь пихнуть незнакомца. Тот, вероятно, уловил угрозу в его глазах – и рванулся, освобождаясь от тяжелого узла. Выругавшись, Гором скинул свой узел и вскочил на ноги. Мужик, уже изготовившийся бить или отвечать на удар, попытался остановить парня словами.

– Ты чего, земляк? С пьяной козой целовался?

– Поговори мне, гнида... – выдохнул Гором, сжимая кулаки.

Теперь они прекрасно были видны тем, кто находился у подножия. Да и карабкающиеся ниже в общем-то могли их увидеть. Завязывать драку при таких условиях Горому расхотелось. Этот мужик явно не промах, драться умеет (парень давно уже привык делить людей по единственному значимому для него самого критерию: стоящий это противник или нет). Драка могла и затянуться. А господа рыцари Порога увидят – как бы неприятностей не было. Он опустил руки. Немного расслабился, отступил на шаг и мужик (но держась при этом спиной к камню, а не к обрыву). И вот в этот-то момент, когда бдительность противника ослабла, Гором не удержался. Пригнувшись, он метнулся на мужика, выбросив вперед – снизу вверх – мощный кулак. Получив сильный удар в грудь, противник взлетел в воздух – и брякнулся о камень за своей собственной спиной. Кулак Горому вышиб из него дыхание. Разинув рот, мужик натужно засипел, силясь втянуть воздух в ушибленные легкие.

Гором поспешно присел. Теперь оставалось только пихнуть этого торопыгу – и он полетит вниз. Но парень выждал некоторое время, прислушиваясь. Вряд ли кто-то что-то успел заметить, но все же... Не услышав ничего подозрительного, сын кузнеца оскалился и сел так, чтобы было удобнее ударить мужика ногой. Сейчас этот «земляк» грохнется о землю, разможжит себе голову – и никто ничего не узнает. Убивать Горому приходилось и раньше. Полгода назад он пришиб дровосека в лесу. Не за какую-либо обиду и не для развлечения. Захотелось попробовать: а как это – забрать у человека жизнь?.. Тем более что в лесу лишних глаз не было, и ничем он не рисковал. Попробовал, забрал... И ничего особенного не почувствовал. Ну, как драка... С той только разницей, что поверженный противник не поднимется больше никогда.

Мужик все тарашил на парня наполненные болью глаза. Он изо всех сил старался не потерять сознание, но ясно было, что вот-вот лишится чувств. На мгновение в голове Горому мелькнула мысль: «А может, ну его?.. Все равно он теперь не соперник...» Но воспоминание о том, с какой готовностью к схватке мужик вскочил на ноги, снова взметнуло в душе злость.

Ведь если б не невольная хитрость парня, мужик не струсил бы вступить с ним в драку и, может быть, навесил бы ему пару ударов... Как такое простить?

Каким образом за его спиной появился кто-то еще, Гором не понял. Просто ощутил чье-то присутствие, встрепенулся и, перекатившись, поднялся, смутно видя нового противника боковым зрением. Не потрудившись приглядеться получше, он размахнулся, метя этому неизвестному кулаком в голову.

Но кулак Горомы почему-то не достиг цели. Более того, выброшенную вперед руку вдруг пронзил кинжал острой боли, от которой в глазах сына кузнеца полыхнул сноп искр. Гором взвыл и махнул левой рукой уже почти наугад. И на этот раз кулак его проткнул пустоту, а где-то в районе локтя вспыхнул еще один очаг боли. Парень со стоном опустился на колени. Обе руки его попросту не действовали. Сквозь красную пелену перед глазами маячил чей-то тщедушный силуэт. Что этот человек сделал с ним, с могучим Горомом? Никто никогда ничего подобного с сыном кузнеца не делал... Когда пелена немного рассеялась, Гором увидел перед собой седобородого старика в простой одежде... Это же тот самый рыцарь-болотник! Сэр Герб!

Злость и обида угасли моментально. Из всех чувств остался лишь страх. Он осмелился поднять руку на благородного сэра! На... как он там себя называл?... На Старшего мастера Училища! На болотника! Говорила же Горому мамаша – доведет его когда-нибудь до беды его буйная натура... Тут уж не баронскими застенками пахнет, а... как бы не виселицей. Убежал, называется, от беды... От дождика в пруд спрятался...

– Встань, – спокойно и негромко приказал старик. Это его спокойствие казалось Горому зловещим и внушало ужас.

Парень неловко и торопливо поднялся. Руки его болтались вдоль туловища, чужие и тяжелые, как два полена. Так страшно было парню, что он сказал слова, какие сроду никому не говорил.

– Про... простите, добрый господин... – пролепетал Гором. – Сэр Герб... простите меня, явите милость...

– За что же ты прощения просишь? – последовал неожиданный вопрос.

– За... Ну... Как же... Я ж... не разглядел... И вот... – совсем смешался парень.

– Ты причинил вред не мне, а тому человеку, – сказал болотник, указав на мужика, который надсадно кашлял, массируя себе грудь. – Следовательно, просить прощения должен у него.

«Действительно, крепкий оказался, гад, – мельком подумал Гором. – Сейчас жаловаться будет... скотина...» А вслух он сказал, оборотившись к мужику:

– Прости меня, добрый человек...

– Ну и дурной ты, парень, – просипел мужик, впрочем, кажется, без особой злобы.

– В сущности, это заложено в человеческой природе, – говорил между тем сэр Герб. – Оказавшись на вершине, стараться скинуть того, кто претендует на твоё место... Простительная человеческая слабость... – задумчиво улыбнувшись и понизив голос, произнес он, словно не для своего собеседника, а для самого себя. – И, прося у меня прощение, ты на самом деле нисколько не испытываешь раскаяния в том, что сделал, – уже обычным голосом заговорил Герб. – Ты просто боишься наказания, потому что убедился: я – сильнее тебя.

Гором молчал. В голове его была совершеннейшая путаница. Он не понимал, что говорит ему болотник. Более того, он не понимал, зачем тот вообще с ним разговаривает.

– Наказания боится тот, кто слаб, – продолжал сэр Герб. – Тот, кто не уверен в том, что поступает правильно. Разве, напад на меня, ты поступил правильно?

Парень вздрогнул и затряс головой.

– Да нет же! – заторопился он, полагая, что забрезжило ему прощение. – Неправильно, это я знаю! Конечно, неправильно, добрый господин... сэр Герб!

– Тогда, зная, что ты поступаешь неправильно, почему ты решился на этот поступок?

Гором жалобно сморщился:

– А?

Герб повторил вопрос.

– А! – сообразил наконец парень. – Так я не знал, что я того... неправильно. Я ж не думал, что это вы... Я думал, это другой кто-то... Ну, из простых людей.

– Но ты только что просил прощение у одного из этих простых людей. То есть признал, что, напав на него, – поступил дурно.

Гором совсем запутался. И замолчал, опустив голову.

– Сейчас ты слаб, как и все другие, пришедшие сегодня к Бычьему Рогу, – сказал болотник.

Как ни был напуган парень, но при этих словах он вскинул голову. Это он-то слаб? Как и все другие прочие? Да ведь он!.. Взгляд Горомы встретился со взглядом болотника.

– Желаешь снова попытаться проверить истинность моих слов? – спросил сэр Герб.

– Н-нет... – опустив глаза, промямлил Гором.

Еще бы он хотел! Этот рыцарь, нисколько не напрягаясь, сумел лишить его руки подвижности. На что же он окажется способен, если станет биться в полную силу? Да еще с оружием в руках?

– Итак, повторяю – ты слаб, – повторил Герб. – И все другие – тоже слабы. Его величество создал Училище, чтобы мы имели возможность научить людей быть сильными. Истинная сила человека – вовсе не в его мышцах. Не в его оружии и не в его деньгах. А в осознании того, что он поступает правильно. Сейчас постарайся уяснить себе вот это. А углубляться в этот вопрос... пока еще рано. И наказания ты боишься – как и полагается слабым – не напрасно, – договорил болотник. – Оно последует незамедлительно.

Гором моргнул и втянул голову в плечи.

А сэр Герб взял свернутую в узел рубаху парня, одним движением развязал ворот и высыпал камни. Один, впрочем, оставил. Затем взмахнул рубахой с камнем, запутавшимся в ней, как пращой – и зашвырнул эту «пращу» далеко-далеко – наверное, шагов за сто от Бычьего Рога.

– Пошел вниз, – приказал сэр Герб. – И когда снова начнешь подъем – будь осмотрительнее в своих поступках.

Гором только теперь ощутил, что руки его стало покалывать, чувствительность в них понемногу просыпалась. Он сжал и разжал кулаки. А потом поспешно, каждое мгновение рискуя упасть, принялся спускаться с площадки. Через несколько минут сын кузнеца уже облегченно улыбался. Пронесло! Чудной все-таки старик! На него с кулаками кидаются, а он – разговоры разговаривает... И подумать только – даже не прогнал! Видать, нужны все-таки королю такие сильные парни, как он, Гором.

Эта мысль, только родившись в голове, тут же столкнулась с другой – старик-болотник назвал его слабым. Ну да, по сравнению с самим-то рыцарем Гором слаб. А по сравнению с другими? То-то! Что-то не то говорил сэр Герб, что-то путал. А может быть, Гором просто не понял. Неважно. Важно то, что в этом Училище его научат, как стать сильным. То есть еще сильнее. Можно задержаться в Училище подольше, благо там и кормить, и поить обещали. А уж потом... Эх, какой атаман Лесного Братства получится из деревенского парня Горомы!

Уже смеркалось, когда испытание подошло к концу. Пятьдесят шесть человек преодолели гору (в их числе оказался и Гором). Сэр Герб выстроил новоиспеченных рекрутов Училища в две равные шеренги и повел их в Дарбион. Оттар и Кай остались с теми, кому не по силам оказалось преодолеть кручи Бычьего Рога, – хотя некоторые из этих людей штурмовали гору не по одному разу. Люди сидели на траве, растирая ноющие мышцы, негромко переговаривались, вымотанные, покрытые пылью и ссадинами, в изорванной одежде – последнего нищего трудно

было отличить от знатного господина. Какой-то худосочный парень вдруг разрыдался, совсем как ребенок, уткнувшись носом в колени.

– Чего это он? – зашевелились вокруг.

– А он дом свой продал со всем добром, – вполголоса пояснил сидящий рядом с парнем. – Думал, раз уж Училище его содержать будет, так зачем теперь ему дом? Про испытание-то глашатаи не говорили...

Кай и Оттар стояли поодаль, наблюдая за происходящим.

– Да, брат Кай, – проговорил северянин. – Тухло как-то оно все выходит. Казалось бы, чего такого – по валунам попрыгать. Взобраться на гору и спуститься. А вон – больше половины даже на это не способны. Трудненько нам придется рекрутов-то набирать.

– Начинать всегда трудно, – отозвался Кай.

Оттар перевел взгляд на гору, безмолвной громадой нависавшую над ним. На одном из склонов темнела одинокая человеческая фигура.

– Пора этого настырного типчика снимать, – сказал он. – Целый день на камнях колупается, а даже середины пути до вершины пройти не может... На каждом валуне по часу висит...

– Почему бы тебе не называть этого человека по имени? – спросил вдруг Кай.

Северянин хмыкнул.

– Что ж, – сказал он, подбоченясь, – можно и по имени. Пора, говорю, Ажа Полторы Ноги с горы снимать. Не хватало еще бедолаге шею себе свернуть. А то мало несчастий на его голову свалилось. Надо, я думаю, ему прозвище менять. Что это такое – Полторы Ноги? И так видно, что он хромой. Прозвище должно больше о человеке говорить. Вот бы его назвать... скажем... Сорок Мучеников. А?

Кай молча смотрел на Оттара – ожидая чего-то. Тот пожал плечами.

– Ладно, – начал северный рыцарь говорить серьезно. – Через пару недель после того, как мы из его деревни ушли, крестьяне и вправду избрали его старостой. Жизнь в деревне и впрямь начала налаживаться, потому как Аж не под себя греб, а за общее дело радел. Только все это недолго продолжалось. Полыхнул в деревне пожар, и почти все дома – дотла... Дом Ажа первым сгорел – с него-то пожар и начался. Тушили, конечно, но в ту ночь ветер был сильный. Сам знаешь, брат Кай, эти хижины деревенские – только искре попасть в застреху... Кое-кто поговаривал, что тот пожар – дело рук бывшего старосты Барбака, да как докажешь? Барбак-то к родне съехал куда-то, с тех пор его и не видели. В общем, родители Ажа и жена с ребятами сгорели. А тут еще и деревенские начали против него роптать: мол, он виноват. Как-никак его хижина первой занялась... Быстро верную службу его земляки забыли. И сместили Ажа. Назначили старостой... – Оттар напрягся, припоминая, – Вака Бешеного, вот. А наш Полторы Ноги после этого родную деревню и покинул. В Дарбион подался в поисках лучшей доли. Чуть не дошел – в трактире придорожном весть услышал о том, что его величество Училище открывает. Ну, как, освоил я науку *видеть* и *слышать*, а, брат Кай?

Не дожидаясь ответа, Оттар захохотал, вполне довольный собой. Кай кивнул:

– Ажа узнать нетрудно. К тому же пересказанную тобой историю он повторял несколько раз, изливая душу разным людям, пока не началось испытание. А как насчет того человека? – Он указал на валявшегося под кустом невзрачного мужичонку, который не участвовал в испытании по той причине, что, ожидая начала оно, нарезался до полумертвого состояния.

Северянин потер виски.

– Зовут его Шавал, – медленно проговорил рыцарь. – Лет ему... четвертый десяток пошел. Семьи нет. Выпить любит. Судя по цвету лица и неровному храпу – эта привычка вскоре его в могилу сведет. Судя по одежде и обуви – редко в его карманах даже медяки водятся. Ну... вот и все.

– Шавал – левша, – заговорил Кай, – поскольку левая его рука длиннее правой. Характерные мозоли на руках и привычный наклон головы говорят о том, что он привык работать

с рубанком. На пальцах – вокруг ногтей – заметные потемнения. Это – следы вьевшейся под кожу краски, которой покрывают мебель. Шавал – мебельщик. Вернее, был им – об этом можно судить по тому, что мозоли его застарелые, движения лишены четкости, присущей хорошим мастерам... и еще по тому, о чем он рассказывал своим собутыльникам. Девять лет назад он слыл прекрасным мастером. Половина аристократов Дарбиона заказывала у него мебель. Но – чуть только денег стало немного больше, чем он мог потратить – начал Шавал куролесить. Уже не сам шкафы и кровати мастерил, а на подмастерий всю работу свалил. Так понемногу растерял всех своих заказчиков, потом подмастерья от него разбежались, а потом и мастерскую пришлось отдать за долги, потому что аппетиты свои к вину и женщинам Шавал умерить не хотел. Не так давно он оказался на улице. И с тех пор занимается только тем, что шляется из кабака в кабак да пробавляется попрошайничеством. Впрочем, одно то, что он пришел сюда – значит, что не все для него потеряно.

Оттар скривился.

– Прийти-то пришел, – сказал он, – а что толку? Наугощался и свалился. На кой хрен нам такие рекруты нужны?

– У Шавала, как и у всех прочих, есть шанс изменить свою жизнь, – сказал Кай. – Стоит только постараться.

– Не шибко он старается.

– Ему нужна наша помощь. И он ее получит. Так ты спрашивал меня, освоил ли науку *слышать* и *видеть*? Я скажу тебе: нет. Тебе еще надобно учиться. Как и мне. Постичь эту науку очень трудно, потому что это требует постоянного совершенствования. О скольких из присутствующих здесь ты сможешь рассказать так же подробно, как об Аже?

Северянин задумался.

– Человек десять наберется, – сказал он. – Те, кто больше и громче всех болтали. И те, кого лучше можно было рассмотреть.

– Я смогу – о половине подробно и об остальных – кое-что, – сказал Кай. – Понимаешь теперь?

– Ага, – кивнул Оттар. И вздохнул.

– Снимай с горы Ажа. Пора заканчивать сегодняшний день.

Несколько минут ушло у Оттара на то, чтобы снести на своих плечах к подножию Бычьего Рога Ажа Полторы Ноги, измученного до такой степени, что он едва мог разговаривать. Оказавшись рядом с Каем, парень поклонился – и чуть не упал. Оттар поддержал его под руку.

– Приветствую вас, сэр Кай, – пробормотал Аж. – Простите... я не осмелился подойти к вам раньше.

– Сядь, – ответил ему болотник. – Тебе нужно отдохнуть.

Запыленное и осунувшееся лицо Ажа потемнело еще больше.

– Я не устал! – воскликнул он. – Вернее, не очень устал. Молю вас, сэр Кай, позвольте мне... немного отдышаться и попробовать пройти испытание еще раз!

– Куда тебе! – хмыкнул Оттар. – Ты теперь на ногах еле стоишь!

– У меня еще есть силы! Если б вы меня не сняли с горы, сэр Оттар, я собрался бы с духом и – сумел бы вскарабкаться на вершину! А потом спуститься. Мне всего-то и надо было – найти опору, чтобы прислониться, передохнуть и передвинуть поудобнее узел с камнями.

– Если б я тебя не снял, ты бы грохнулся вниз, – отреагировал на это заявление Оттар.

– Позвольте мне пройти испытание!

– Испытание закончено, – громко произнес Кай.

Слыша этот разговор, люди стали подтягиваться к рыцарям. Аж замолчал, опустил голову. Совершенно обессиленный, он почти что упал на траву.

– Попробуй-то так-то... поелозить по кручам... – обиженно забубнил кто-то, – да еще с ношей на плечах... Мы ж не козлы горные. Мы к таким прогулкам не привыкли. И главное – зачем это все? Рази ж на королевской службе такое пригодится?

– Гвардейцев так не мучают, как нас, – подал голос какой-то тип с косматой шевелюрой, клоки которой падали ему на глаза. – Я-то знаю, сам служил четыре года.

– Чего ж ушел-то? – спросил его кто-то. – Выперли, поди?

– Ничего не выперли! Надо было, значит, вот и ушел, – с вызовом ответил косматый тип.

– А ежели лохмы твои со лба откинуть, не обнаружится там клейма вора? – рыкнул на типа Оттар.

Косматый отреагировал на это предположение следующим образом – отступил назад и смешался с толпой.

К Каю подошел Якоб, сын графа Матиана. За спиной его понуро молчали еще пятеро отпрысков высокородных семейств. Отцы юношей, окруженные слугами, возбужденно переговаривались между собой, бросая на рыцарей Братства Порога враждебные взгляды. И Оттар, и Кай без особого труда могли разобрать, *что* так увлеченно обсуждают благородные господа: они собирались жаловаться его величеству.

– Сэр Кай! – надтреснутым высоким голосом обратился к болотнику Якоб. – Позвольте мне сказать!

– Говори, – разрешил Кай.

– Я хочу вам... то есть мне нужно сказать... То есть я думаю, что выражу общее мнение, если скажу... – Юноша сбился и закашлялся, он явно волновался, говоря с болотником. – Если скажу, что испытание, коему... коего удостоились мы... чересчур сложно для нас. То есть – неоправданно сложно, я хочу сказать.

– Только преодолевая трудности, можно добиться чего-то, – ответил на это Кай. – И чем больше мы усилий к этому прикладываем, тем лучше результат. Следовательно, наилучший результат достигается тогда, когда дорога к нему сложнее всего.

– Да-да, – заторопился Якоб. – Это я понимаю. Но я вовсе не об этом хочу сказать вам, сэр Кай. Я вот о чем... Разве служения его величеству достойны лишь те, кто лучше других принаоровились ползать по камням? Неужели достойный муж, постигший множество наук, искусный в воинских искусствах, – не сумеет быть полезным королю? Получается, только какой-нибудь... горный охотник, привыкший лазать по скалам, но ничего не смыслящий ни в чем другом, имеет право стать рекрутом Училища? Посмотрите, кто прошел испытание! Тупоголовые увальни, все достоинства которых – цепкие пальцы и крепкие икры! Тогда как благородные и высокообразованные мужи, на которых только и может надеяться его величество, с этим вашим испытанием не справились! И это не случайно, сэр Кай! – Юноша воодушевленно выставил к небу указательный палец. – Это потому, что не так надо было испытывать будущих рекрутов!

Толпа мастеровых, деревенских мужиков и нищих одобрительно загудела – видно, каждый имел какую-либо причину причислить себя к «благородным и высокообразованным мужам».

– Можно я скажу, брат Кай? – встрял в разговор Оттар, который за то время, пока слушал выкладки Якоба, успел рассвирепеть до багровости щек. – А то ты начнешь сейчас рассыпаться: ежели да кабы... А я своими словами – чтобы всем было понятно, и высокообразованным, и тем, кто попроще... Чего с ними вообще разговаривать?! Ишь ты – не понравилось им испытание! Вам было сказано – каждый может стать рекрутом. И Бычий Рог преодолеть – может каждый. Нужно было только постараться! Понятно? – рявкнул северянин так, что Якоб и остальные отпрыски знатных семей непроизвольно попятнулись от него. – А насчет премудростей всяких – которыми некоторые тут хвастались – могу сказать: и я, и брат Кай тоже когда-

то ни хрена лысого не умели! Научиться легко! Только прежде надо доказать, что достоин учиться!

– Не каждый на эту гору взберется, – пискнул кто-то, прячась за чужими спинами. – Вон тот хромоногий-то... Весь день бился, а взобраться не сумел. Ну не может хромой по горам скакать. А безрукий – не может плавать. Как с ним-то быть?

Аж, которого невидимый оппонент Оттара имел в виду, поднял голову.

– Я могу! – негромко, но упрямо сказал он. – Могу! Я все могу! Просто... устал, пока добирался сюда. Ежели бы день отдохнул – перемахнул бы эту гору вмиг.

Кай взглянул на парня, улыбнулся.

– Наутро мы снова начнем то же испытание, – сказал он. – С теми, кто явится сюда завтра, чтобы стать рекрутами Училища. Потому что другого пути в Училище – нет. И вы, не поднявшиеся на Бычий Рог сегодня, получите возможность сделать это еще раз. Я обещаю вам, что завтра у вас получится лучше, чем сегодня. А чтобы вы поняли, что я полностью в этом уверен, говорю вам: тем, кто завтра не улучшит свой результат, я предложу по пять золотых гаэлонов каждому – с тем условием, что он, получив деньги, немедленно уйдет прочь.

Некоторые в толпе воспрянули духом, начали переглядываться, не скрывая ухмылок. Бородатый бродяга по прозвищу Гусь, который тоже безуспешно пытался преодолеть подъем на Бычий Рог, расплылся в улыбке.

«Эх, повезло! – подумал он. – Хоть на королевскую свадьбу не попал, так пять золотых ни за что ни про что огребу!»

Аж Полторы Ноги выслушал предложение Кая безо всякого интереса. Лежа на траве, ощущая свое тело как один пульсирующий сгусток ноющей боли, он прокручивал в голове свое восхождение на гору, отмечал ошибки и обдумывал, как не допустить их завтра.

Он не ушел бы отсюда, даже если бы ему посулили и сотню золотых, и две сотни... Быть частью очень важного для *всех* дела – это желание раз и навсегда наполнило его жизнь. Другой судьбы он себе не желал. Потому что научился понимать: нечто иное – что угодно иное, что представляется значительным для многих людей – ничтожно и преходяще, как грязный мокрый снег под ногами осенним днем.

– Ты чего, брат Кай, тронулся? – шепотом поинтересовался Оттар. – Пять золотых каждому охламону, кто только этого пожелает! Ты чего?

– Они возьмут деньги и уйдут, – сказал Кай, – а на следующий день в каждом кабаке, где они останутся пропивать золото, будут гудеть о неслыханной щедрости короля. Через несколько дней те, кто ушел, вернутся. И приведут за собою еще людей – многие сотни. Нам нужно спешить с постройкой нашей Крепости, брат Оттар.

– Ты и назавтра собираешься золотом сыпать? – осведомился еще северянин. – Это ж все-таки... Ну, как-то... Больно уж расточительно. Можно было и медяками отделаться, между прочим.

– Золото или медь... – пожал плечами Кай. – В сущности, разница невелика. И то, и другое – просто металл. Но, как ты говоришь, сыпать деньгами я больше не буду. Сегодняшнего раза будет достаточно.

Глава 2

– Прекрасная? – предложил Эрл.

– Это худшее прозвище, которое может получить королева, – сморщила носик Лития.

– Почему? – удивился Эрл. – Лития Прекрасная... Звучит, по-моему... прекрасно...

– Вот именно, – заявила Лития, – предсказуемо до ужаса. В нашем роду было шесть Прекрасных королев. Илона Прекрасная, Миария Прекрасная, Стилла Прекрасная, Равона Прекрасная, Урсула Прекрасная... Моя мать – Сциллия – тоже была Прекрасной. Когда королева ничем не запоминается за годы своего правления, она становится – Прекрасной. Как еще можно охарактеризовать первую женщину королевства?.. Такие прозвища дает королевским особам льстивый двор, и такие прозвища – пустой звук. Настоящие прозвища, могущие стать твоим вторым именем, рождаются сами собой. Это как бы... оценка того, что ты сделал. Того, что ты заслуживаешь. Могут пройти годы и даже десятилетия, прежде чем твои подданные сумеют оценить тебя. И наградить вторым именем.

– Меня прозвали Эрлом Победителем вскоре после того, как был сокрушен Константин, – сказал Эрл. – Еще до моей коронации. Я вернулся в Дарбион, и, когда следовал к дворцовым воротам, городские улицы вопили на разные голоса: «Да здравствует Эрл Победитель!» Выходит, то, как меня называли, тоже работа придворных льстецов?

– О нет, – улыбнулась королева. – Ты начал свой путь короля с великого свершения. Не поручусь за то, что твой покойный дядюшка, господин Гавэн, не приложил руку к рождению твоего прозвища, но все равно оно – истинное. Заслуженное тобой.

Король и королева, беседуя, прогуливались по открытой галерее, пронзающей верхние ярусы семи башен северного крыла Дарбионского королевского дворца. Ветер трепал волосы Эрла, завивая пряди вокруг острых зубцов его золотой короны. Волосы Литии были уложены в высокую прическу – концы длинных белых лент, эту прическу удерживающих, взлетали на волнах ветра, как легкие челноки. Пышное платье на юной королеве было тоже белым – расшитое жемчугом, оно сияло под лучами летнего солнца.

Эрл остановился. Остановилась и Лития. Король провел ладонью по волосам своей королевы, пустил между пальцами белые ленты... Он припомнил, как уговаривал Литию не возвращаться после свадьбы к брючному костюму, который он называл про себя «мальчишеским». Это удалось ему без особого труда. Хотя Лития не то чтобы прониклась его убеждениями, что подобная одежда для королевы не подходит, – она просто уступила Эрлу, своему мужу.

– Разве то, что ты прекрасна, – неправда? – спросил король.

Лития, опустив глаза, чуть покраснела.

Удивительно, как все изменилось между ними после свадьбы. Вернее, после первой брачной ночи. Будто они снова вернулись в то блаженное время, когда впервые увиделись, уже заранее зная, что предначертано им быть вместе, быть мужем и женой. Будто и не было того разрушительного вихря, с воем промчавшегося по землям Шести Королевств, разбрызгивающего струи крови и языки пламени, перевернувшего все с ног на голову и надолго разбросавшего их по разным уголкам великого Гаэллона. Как и тогда, в пору мирного правления доброго короля Ганелона Милостивого, прогуливаясь по аллеям дворцового сада, они увлеченно познавали друг друга, так и последние дни и ночи, проводимые по большей части в сумраке опочивальни, они сближались все теснее и теснее. Но теперь сближение это было другое; самое интимное, какое только может быть между мужчиной и женщиной. Новая область отношений открылась им, как открывается прячущийся в скальной расселине горный родник – и они пили из этого родника и никак не могли утолить жажды. И если Эрлу была уже знакома эта жажда и сладостное ее утоление, то для Литии познание вечной тайны, доступное кухаркам и баро-

нессам, нищенкам и королевам, оказалось величайшим откровением, величайшим открытием. Открытием новой жизни.

Смыкая объятия с наступлением темноты и размыкая их поутру, они и днем, одетые, в присутствии других людей, сохраняли в себе очарование ночи. Все, о чем они говорили, – были они сами. Все, о чем они думали, так или иначе касалось их прошлого и их будущего. О настоящем они не размышляли. Они им жили.

В эти дни Эрл был по-настоящему счастлив. Несмотря ни на что, все сложилось так, как и должно было сложиться. Это было счастье устоявшегося покоя – то, что, наверное, испытывает путник в конце долгого пути. И ему казалось, что как-то по-другому в его отношениях с женой уже никогда не будет.

И Лития... Она была так полна своей новой жизнью, что ничего *внешнего* в себя впустить не желала... Да и не могла. И ей тоже казалось, что и дальше все будет так, как есть сейчас.

– Разве то, что ты прекрасна, – неправда? – снова спросил Эрл, взяв в ладони лицо Литии.

– Не мне об этом судить, – тихо ответила королева.

От резкого и громкого крика, долетевшего откуда-то снизу, она вздрогнула. Эрл поморщился, повернулся на этот крик. Держась рядом друг с другом, супруги одновременно подошли к парапету и глянули вниз.

Далеко внизу, на заднем дворцовом дворе, колыхалась толпа разношерстно одетого народа. Двор этот назывался Грязным. Здесь располагались конюшни, псарни и большой скотный двор, где содержали животных, предназначенных для королевского стола. Здесь же, на Грязном дворе, посреди низких строений, громоздилась невысокая приземистая башня, угрюмо-черная, выстроенная очень давно и уже заметно покосившаяся на один бок. Когда-то в этой башне была казарма дворцовой стражи, но вот уже добрых полсотни лет как помещение казармы перенесли в другое здание. Полсотни лет башня пустовала; до тех пор, пока – двенадцать дней назад – Эрл не отдал постройку под Училище. Король готов был предоставить болотникам здание и получше, но старика Герба чем-то зацепило именно это. Вокруг черной башни и толпился сейчас народ – рекруты королевского Училища. Задрав головы, рекруты наблюдали за тем, как два десятка полуголых людей, связанных попарно длинной веревкой, карабкались на стену башни, на самом верху которой, на разобранной наполовину крыше, стояли рыцари Болотной Крепости Порога – Кай и Герб.

Голову каждого, кто находился близ башни или карабкался на нее, покрывала белая повязка – отличительный знак рекрута Училища. Эрл одобрительно усмехнулся: болотники не посчитали нужным тратить золото королевской казны на пошив формы.

Башню Училища и тот участок галереи, где находились сейчас Эрл и Лития, разделяло около десяти шагов, и крыша башни не достигала уровня галереи примерно на высоту в два человеческих роста. Таким образом, король с королевой и болотники могли даже разговаривать друг с другом, не особо напрягая горло. Глухой гомон толпы здесь, наверху, был почти не слышен. Собственно, во время этой прогулки Эрл и Лития и предполагали посмотреть, как же продвигаются у рыцарей дела с этим Училищем. Правда, заговорившись по дороге, они успели об этом позабыть...

Болотники поклонились королевской чете, как только поняли, что их заметили. Эрл поднял руку, приветствуя рыцарей.

– Не смею вам мешать! – громко проговорил король. – Я только хотел посмотреть – все ли у вас в порядке.

– Вы ничем не помешали нам, ваше величество, – ответил Герб.

– Нужно ли вашему Училищу что-нибудь еще, кроме того, чем вы уже обеспечены? – спросил Эрл.

– Благодарю вас, ваше величество, ничего, – сказал старик-болотник. – Хлеб, овощи и мясо нам доставляются вовремя. А воды вдоволь в колодце близ королевской кухни.

– Эта башня... – произнес король, прищурившись, разглядывая покривившуюся черную громадину, облепленную ползущими по ней людьми, – требует хорошего ремонта. Может быть, все-таки прислать вам каменщиков?

– Они будут только мешать, – покачал головой Герб. – Башню действительно необходимо укрепить, но с этим мы справимся сами.

– Просто невероятно, – проговорил король негромко. – Их всего трое, а они управляют с доброй сотней рекрутов... если только этих охламонов можно называть рекрутами... И не требуют помощи.

– Не вижу в этом ничего невероятного, – пожала плечами Лития.

Улыбаясь, королева разглядывала болотников.

– А где же брат Оттар? – в полный голос поинтересовался Эрл.

– Он у Бычьего Рога, ваше величество, – на этот раз королю ответил Кай. – Проводит испытание с теми, кто явился в последние дни к Дарбиону, чтобы поступить в Училище.

– Что ж... – кивнул Эрл. – Желаю вам удачи, братья!

– Благодарю вас, ваше величество, – откликнулся Кай.

– Благодарю вас, ваше величество, – присовокупил и Герб.

Люди, стоявшие вокруг башни, увидев короля, притихли. Один за другим они стали опускаться на колени. Эрл приветствовал их величественным жестом.

– Да здравствует Эрл Победитель! – заметались по Грязному двору нестройные восклицания.

И тут снова раздался крик, подобный тому, который привлек внимание королевской четы. Это кричал парень, уже почти добравшийся до вершины башни. На голой его спине вздулись неровные бугры мышц – распылив руки, он вцепился пальцами в щели между камнями, одна нога его стояла на неровности камня, а другая судорожно подергивалась, ища опоры. Очевидно было, что парень, уставший от долгого подъема, не видел теперь, за что уцепиться, чтобы подняться выше, – и начал паниковать. Он мельком глянул вниз, искривив шею, и снова завопил.

– Я тебе поору! – хрипло предупредил парня коренастый мужик, сцепленный с ним веревкой. Он находился пониже, но держался прочнее, стоя обеими ногами на большом камне, далеко выдававшемся из стены. – Я т-тебе... Держись, паскуда! Грохнешься, я тебе башку разобью, орысина!

Нелепая эта угроза (ведь сорвись парень, вниз полетели бы оба и, упав с такой высоты, непременно переломали бы себе конечности) никак не подействовала. Рекрут тоненько заскулил, в отчаянии закутил головой.

Болотники внимательно наблюдали за ним. Каю или Гербу стоило только встать на колени и протянуть руку вниз, чтобы помочь несчастному. Но они этого не сделали.

– Держись, гадюка! – рявкнул мужик и моментально сменил грозный тон на умоляющий. – Ну соберись, миленький... Ну немного же осталось... Козлина ты вонючая...

– Помогите! – заголосил парень, обращаясь явно к болотникам.

– Рекрут Агвар, – заговорил Кай. – Тебе следует опереться на левую ногу, переместить вес тела на левую руку – и приподняться на две ладони, чтобы правая рука угодила в щель.

Голос болотника звучал спокойно и размеренно.

– По... помогите, сэр Кай... – всхлипывая, запричитал парень. – Во имя Нэлы Милостивой, помогите мне!

– Я же помогаю тебе, рекрут Агвар, – с некоторым удивлением отозвался Кай. – Я говорю – нужно опереться на...

– Дайте руку, сэр Кай! – завизжал парень. – Нет мочи держаться уже! Я пальцев не чую! Во имя Нэлы, явите каплю сострадания!

– Ты слышал, что я сказал, – проговорил Кай. – Другой помощи я оказать тебе не могу. Сострадание и состоит в том, чтобы предоставить тебе возможность помочь себе самому. Потому что ты в силах сделать это. Прodelав это лишь раз, ты утвердишься в том, что глупо уповать на кого-то, просто боясь добиться желаемого самостоятельно.

– Нет сил! Нет сил, сэр Кай, добрые господа!.. Ежели я одну руку отпущу... – взвизгнул парень, – я сорвусь! Сэр Кай! Добрые господа! Сэр Герб!

– Ах ты падаль болотная! – взревел вдруг его напарник, предпринимая рывок вверх. – Дай только до тебя добраться, скотина, я т-тебе...

Рыча и плюясь от ярости, мужик взобрался повыше.

– Ставь ногу на мое плечо! – рявкнул он. – Ставь, говорю, подлюка!

Парень последовал его совету и, немного опомнившись, все-таки поднял голову и углядел ту щель, о которой говорил ему болотник. Он подтянулся к ней, уцепился... и через пару ударов сердца уже стоял рядом с рыцарями. Вслед за ним вылез и мужик – страшно оскаленный, только присутствием Кая и Герба удерживаемый от того, чтобы немедленно учинить расправу над своим напарником.

– Рекрут Маар выполнил задание, – ровно проговорил Герб, хлопнув мужика по плечу. – Рекрут Агвар с заданием не справился.

– Слюнтый он, а не рекрут... – пробубнил мужик. – Я вот как думаю, сэр Герб...

Тяжелый удар о землю и глухой стон, раздавшийся внизу, прервал речь рекрута Агвара. Рекруты, те, кто ожидал своей очереди взбираться на стену, и те, кто уже успел справиться с заданием, сочувственно заохали, собравшись вокруг человека, рухнувшего вниз с высоты в три человеческих роста.

– Рекрут Барац выполнил задание, – спокойно прокомментировал Кай.

Проводив взглядом четверку мужиков, уносивших рекрута Бараца, прижимавшего к груди неестественно вывернутую руку, Эрл покачал головой.

– Как это понимать? – проговорил он. – Этот... Барац просто свалился, как куль с мукой, – и он выполнил задание?

Болотники слышали короля, хотя он не повышал голоса.

– Рекрут Барац, ваше величество, перерезал веревку, связывавшую его с напарником, – объяснил Герб. – Перерезал тогда, когда понял, что вот-вот сорвется и утянет напарника за собою.

– Однако он не взобрался на вершину башни, – возразил король. – Что – насколько я могу судить – и является условием выполнения задания. Это... просто милость рекруту за его добросердечие?

– Вовсе нет, ваше величество, – сказал Герб. – Давая это задание рекрутам, мы имели целью научить их доверять и помогать тому, с кем делаешь одно общее дело. Барац до того, как стал рекрутом, долгое время работал на западе королевства, в шахтах Глубинных Троп. Там этот урок усваивается быстро. Если будешь думать только о себе – погубишь и себя, и своих товарищей...

Эрл задумчиво потер подбородок. Потом взял Литию под руку. Король и королева двинулись дальше по галерее.

Довольно долго они молчали. Кажется, Эрл ждал, что скажет Лития. Но та ничего не говорила.

– Сокровенная Крепость – это утопия, – произнес наконец Эрл. – Может быть, у моих братьев и получится воспитать из некоторых рекрутов – людей Долга, но пропустить через Училище всех людей Шести Королевств... или даже одного только Гаэлона... это все равно что попытаться просеять через сито пески арабийских пустынь.

– Ты не веришь в Сокровенную Крепость? – подняла брови Лития.

– Откровенно говоря... нет, не верю. Не совсем верю.

– Создание Крепости – трудное дело, – сказала королева. – Очень трудное. Невероятно трудное. Самое трудное, какое только можно вообразить. Но – не невозможное. Потому что основное, чему учат на Туманных Болотах, – поверить в собственные силы. Когда ты понимаешь, что для тебя нет ничего невозможного, тогда и получаешь право называть себя рыцарем-болотником.

Эрл промолчал.

– Вот странно, – продолжала между тем Лития. – Ты не вполне поверил в злонамеренность Высокого Народа, но отказался от союза с эльфами. И утвердил создание Училища, хотя не очень-то веришь в успех предприятия болотников... Все твои действия как бы... осознанны только наполовину...

Эрл остановился и обернулся к своей жене.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил он, и голос его прозвучал резковато.

– Только то, что сказала, – пожала плечами жена.

Эрлу показалось, что на дне ее глаз блеснула льдинка.

– Мой Долг – чересчур тяжел, Лисичка, – не отдавая себе в том отчета, он впервые назвал так Литию при свете дня. – От моих решений и действий зависят жизни многих тысяч людей. И теперь скажи мне, могу ли я, зная это, предпринимать что-либо, не колеблясь и не сомневаясь?

– Но ведь ты... – Лития говорила очень тихо. – Ты... продолжаешь колебаться и сомневаться и тогда, когда решение уже принято...

– Очень часто на принятие решений дается слишком мало времени. Наступает такой момент, когда...

Громкий торопливый топот позади не дал королю договорить. Обернувшись, Эрл и Лития увидели пажа Бастиана, пухлого мальчишку лет десяти, который отличался тем, что, несмотря на внешность неповоротливого увальня, всегда и всюду попевал первым. Быть Бастиану лучшим из пажей всех Шести Королевств, если б он не входил в число тех людей, для которых исполнить поручение быстро не всегда означало исполнить поручение качественно.

– Ваше величество! – размахивая руками, кричал Бастиан. – Ваше величество! Скорее, ваше величество!

За несколько шагов до короля паж опомнился и попытался остановиться, но скорость, с которой он бежал, оказалась столь велика, что мальчишка, споткнувшись, покатился по полу.

– Ваше величество! – выдохнул он, ткнувшись носом в королевские сапоги. – Там... такое случилось!..

– Поднимись и говори толком, – велел Эрл.

– Его поймали, ваше величество! – вскочив на ноги, радостно сообщил Бастиан. – Прямо так – р-раз, и все! И поймали! И пикнуть не успел, родненький, как скрутили его! Одним махом!

– Кого поймали и скрутили? – смеясь глазами над сбивчивой скороговоркой пажа, переспросила Лития.

– Его! – торжествующе выкрикнул Бастиан и вдруг осекся. – Забыл имя... – промямлил он. – Имя такое дурацкое у него... я и забыл. Как сюда бежал – помнил, а как шмякнулся...

– Окажется, что напрасно меня взбаламутил, всыплю дюжину плетей пониже спины, – не совсем, впрочем, серьезно пообещал Эрл.

Вслед за мальчишкой уже бежали придворные. Вид у них был взволнованный и растерянный. За придворными громыхали кольчугами и алебардами стражники.

– Действительно, случилось что-то важное, – проговорила Лития.

Эрл двинулся навстречу придворным.

– Он там, ваше величество! – крикнул бежавший первым. – Внизу, в Парадном зале! Прикажете спустить его в подвал?

– Да кого спустить в подвал?! – рявкнул Эрл.

– Его самого, ваше величество, – сообщил придворный, метнув на Бастиана быстрый взгляд. – Которого поймали...

– Клянусь, если этот балаган продлится еще мгновение, плетей придется отведать не одному только пажу, – пообещал король.

Тогда придворный, ссутулившись, приблизился к Эрлу и, оказавшись к нему вплотную, выпрямился и встал на цыпочки. И с опаской прошептал на ухо королю:

– Нельзя вслух называть его имя, ваше величество, когда он здесь... Все так странно... Как бы это не оказалось ловушкой. Но мы... я распорядился принять все необходимые меры безопасности... Это я распорядился, ваше величество! Барон Валисиан, ваше величество, если вы вдруг запомнили *мое* имя...

– Я помню твое имя, Валисиан, – кивнул Эрл. – Помню и то еще, что ты ведаешь дворцовыми винными погребами. Поэтому никакого права распоряжаться насчет мер чьей-либо безопасности, кроме своей собственной, ты не имеешь. Где капитаны стражи? Где генерал Айман?

– Капитаны... – промямлил барон и вяло махнул рукой куда-то себе за спину. – Там они... Не подоспели. А сэр Айман... Он уже извещен. Наверное...

Король обернулся к подоспевшим стражникам и ткнул пальцем в барона Валисиана. Барон тотчас был взят под стражу.

– Держать до моего распоряжения, – приказал Эрл. – Я еще подумаю, как научить сэра Валисиана не путать свои обязанности с обязанностями других. Ваше величество... – обратился он к Литии, – вам лучше удалиться в свои покои. В Парадном зале, куда я сейчас отправлюсь, возможно, и на самом деле небезопасно.

– Я смогу постоять за себя, ваше величество, – серьезно ответила Лития. – К тому же, что мне может грозить, если вы рядом со мной? Позвольте мне пойти с вами.

Эрл мгновение помедлил и разрешающе кивнул.

Связанный человек оказался стар и худ. Сохранившиеся на висках и на нижней части затылка волосы были стянуты в тонкую белую косичку. Растрепанная борода связанного пестрела пятнами: мутно-ржавыми разводами начавшей уже сходить краски и ярко-алыми потеками крови.

Связанный лежал на каменном полу Парадного зала. Вербки окутывали его тщедушное тело плотным коконом от плеч до щиколоток – хватило бы и пятой части этих веревок, чтобы надежно обездвигить старика.

Когда в Парадный зал вошли король и королева, придворные поспешно подняли схваченного и поставили его на ноги. Многочисленные стражники, оттесненные вельможами в сторону, растерянно переглядывались. Там же, в сторонке, стояли и несколько угрюмых капитанов дворцовой стражи, явно подоспевшие к месту происшествия уже тогда, когда процедура пленения оказалась законченной.

Услышав приветствия, обращенные к королевской чете, связанный с трудом разлепил распухшие веки. Кончик свороченного набок носа дрогнул. Шевельнулись и расплюснутые в синие лепешки окровавленные губы. Но старик не проронил ни слова – в рот его глубоко и крепко был забит кляп.

Эрл не сразу узнал пленника. Нахмурясь, он внимательно вглядывался в изуродованное лицо. А Лития, как только увидела связанного, вскрикнула от изумления. Глаза ее вспыхнули.

– Убийца! – выдохнула она и подалась вперед – в инстинктивном порыве то ли ударить старика, то ли плюнуть в него.

Эрл перевел взгляд на свою королеву, потом опять на связанного. И вдруг вскрикнул:

– Гархаллокс!

– Убийца... – глухо повторила Лития.

Придворные загомонили все разом:

– Он проник во дворец через Черные ворота!..

– С обозом рыбы!..

– Он смешался со слугами!..

– И, прокравшись туда, куда черни путь закрыт, передвигался безлюдными коридорами!..

– Еще бы! Он прекрасно знает каждый закоулок дворца!

– Он постарался изменить внешность!.. Он сам на себя непохож!

– Он задумывал страшное коварное преступление, ваше величество!..

– И если бы не я!..

– Если бы не я, ваше величество!..

– Это я его узнал, ваше величество!..

Эрл поднял руку, и гомон тут же смолк.

– Отдаю должное вашей храбрости, благородные господа, – произнес он. – Осмелиться напасть на одного из самых могущественных магов Шести Королевств...

– Он хотел обмануть нас, прикидываясь обыкновенным замарашкой! – хвастливо заявил кто-то, не понявший иронии, сквозившей в словах короля. – Только с нами этот номер не прошел! Нет! Не на того напал, грязный колдун!

– Довольно глупый ход для выдающегося мага – прикидываться замарашкой в самом сердце Дарбионского королевского дворца, – заметил Эрл. – Даже самый недалекий шпион сообразил бы, что в приличном камзоле он бы выделялся здесь гораздо меньше...

Весть о том, что в Дарбионский королевский дворец явился Гархаллокс, распространилась по дворцовым залам и коридорам со скоростью лесного пожара в ветреную погоду. В Парадный зал с каждой минутой стекалось все больше и больше народа. Гархаллокс и королевская чета оказались окружены плотным кольцом людей. Кое-кто из слуг даже карабкался на колонны, пронзавшие пространство зала, чтобы рассмотреть того, перед которым еще недавно трепетал весь Гаэлон. Среди толпы замелькали бело-синие колпаки магов Сферы Жизни. Их было немного, тихих пришибленных старцев, сумевших пережить и жестокое время власти Константина, и безжалостный разгром первым министром Гавэном когда-то великого Ордена Королевских Магов. И хоть пора гонений уже миновала – маги старались не обращать на себя внимания, держались за спинами вельмож и стражников. Только вытягивали шеи, чтобы хоть одним глазком глянуть на легендарного чародея Гархаллокса, одного из тех, кто стоял во главе жуткого Круга Истины, тайной организации, положившей начало небывалой кровавой смуте на землях Шести Королевств...

По знаку Эрла изо рта Гархаллокса вытащили кляп. Великий маг тут же утробно закашлял, заплевал кровью. С последним плевком вылетел из его рта и неслышно ударился о плиты пола кривой обломок зуба.

– Я не ждал тебя, Гархаллокс, – проговорил король. – Признаться, я думал, что тебя давно нет в живых.

Король смотрел на мага с задумчивым интересом.

– Как видите, ваше величество, я жив, – скрипучим голосом произнес архимаг.

– Зачем ты проник в мой дворец? – осведомился Эрл. – На военное вторжение твое появление непохоже... Что привело тебя ко мне?

– Велите развязать меня, ваше величество, – потребовал вдруг Гархаллокс. – Я пришел с миром... – Он огляделся по сторонам, с трудом поворачивая шею, зацепил в толпе взглядом кого-то – очевидно, одного из вельмож, избивавшего его с особым усердием. – Если бы я задумал...

мал недоброе, что помешало бы мне применить свою силу? Уж что-что, а скользить по теням, не видимым никому, – я умею. Умею и превращать кости своих обидчиков в жидкий огонь...

Пространство вокруг Гархаллокса, после того как он проговорил последнюю фразу, стало быстро расширяться. Пара вельмож, державших связанного мага, нетерпеливо задержались, явно намереваясь перепоручить эту роль кому-нибудь еще.

– Развязать, – приказал Эрл.

Когда на Гархаллоксе разрезали веревки, он чуть не упал.

– Подать сюда кресло, – приказал Эрл. – Я разрешаю тебе, маг, сидеть в моем присутствии и в присутствии ее королевского величества Литии... Прекрасной. Но это право ты получаешь только на сегодняшний день.

Собравшиеся в Парадном зале удивленно зашуршали. Лития с тревогой взглянула на своего супруга:

– Ваше величество, что вы делаете? Перед вами убийца Ганелона Милостивого, убийца моего отца! На его руках – кровь тысяч и тысяч подданных нашего королевства!

– Ваш отец, ваше величество, – спокойно обратился к Литии маг, опускаясь в глубокое кресло, которое ему подставили, – погиб во имя свободы людей. Я не хотел его смерти, но вышло так, что эта смерть стала необходимой для всего человечества. Иногда нам приходится делать то, чего мы вовсе не хотим. Но сделать это нам велит наш Долг.

– Сейчас ты будешь распространяться о том, как уважал и любил отца, – в тон ему заговорила Лития. – И о том, чего тебе стоило перешагнуть через эту любовь и это уважение...

– Ничего подобного, – улыбнулся разбитыми губами Гархаллокс. – Я никогда не любил вашего отца. Ганелон Милостивый был правителем... дряблым. Никаким. Но и он не заслуживал смерти. Просто так было нужно.

– А ты не боишься, что я сейчас убью тебя, Гархаллокс? – спросила вдруг Лития. – Убью голыми руками?

Эрл взял свою королеву за руки.

– Успокойся, – прошептал он ей в лицо. – Успокойтесь, ваше величество, – сказал громче. – А ты, маг, придержи свой поганный язык. Пока его тебе не обрезали.

Гархаллокс снова улыбнулся. Непонятно было, отчего он держит себя так... не тревожась и с вызовом.

– А со мной в вашем дворце тоже не церемонились, – сказал Гархаллокс. – Я шел сюда, не скрываясь. Шел через Черные ворота, это правда. Потому что ни через какие другие, ваше величество, меня не пустили бы, а мне не хотелось препираться со стражей. Я спокойно добрался до самого Парадного зала – когда меня узнал один из твоих вельмож, барон Валисиан. Вы бы видели, как вытянулось его лицо! Точно он встретил привидение. Хотя, наверное, в тот момент он так и подумал... Досточтимый сэр Валисиан вопил, будто ему поджаривали пятки, и к нам сбежались все, кто находился поблизости. Когда досточтимый сэр Валисиан и все прочие немного оправились от испуга и вновь обрели возможность соображать, я попытался их успокоить, сообщив, что не собираюсь использовать магию. Тогда-то все и началось... На меня напали вельможи, и стражники... Последних, впрочем, быстро оттеснили. Кто-то сзади хлопнул мне палкой по голове, и на какое-то время я потерял сознание. Очнулся тогда, когда меня, уже связанного, месили кулаками, ногами и тростями, словно тесто. Вот и все, ваше величество... Остальное вы знаете.

– Ты не сказал главного, Гархаллокс. Зачем ты пришел ко мне? – спросил король.

– Я пришел, чтобы служить вашему величеству, – ответил маг, – и всему великому королевству Гаэлон.

Уголок рта Эрла дернулся.

– Избави меня боги от такой службы, которую ты сослужил своему прежнему господину, Ганелону Милостивому, – сказал король.

– Я желаю говорить с вами наедине, ваше величество, – заявил Гархаллокс, оставив эту реплику короля без внимания.

Вельможи заахали, пораженные такой наглостью. Королева Лития сжала побледневшие губы. А король только усмехнулся... Затем двери Парадного зала распахнулись. Сопровождаемый десятком капитанов дворцовой стражи, в зал ворвался генерал Айман. Мечи некоторых из капитанов были обнажены, и в руках самого генерала блесст клинок. Впрочем, Айман, окинув взглядом запруженное людьми пространство зала, быстро оценил обстановку. Он бросил меч в ножны (его примеру тут же последовали капитаны) и поклонился королю.

– Прошу милости вашего величества, – выговорил он. – Я спешил сюда так быстро, как только мог... Гонцы застали меня уже у городских ворот – я собирался покинуть город, чтобы эти два дня провести, охотясь в Волчьем лесу...

– Самую ценную дичь, сэр Айман, ты упустил, – усмехнулся Эрл. – Гончие загнали зверя и... едва не разорвали его на части. Ты как раз кстати. Очисти этот зал от праздных зевак и распорядись, чтобы меня не беспокоили до особого моего распоряжения. Да... и пусть принесут еще два кресла!

– Будет сделано, ваше величество, – поклонился генерал.

Вельможи, принимавшие участие в задержании Гархаллокса, вознамерились было остаться в Парадном зале, но король ясно дал понять, что под «праздными зеваками» подразумевает и их тоже. Когда в зале остались только король, королева, маг и несколько стражников у дверей, разговор продолжился.

– Я знаю, что произошло той ночью, двенадцать дней назад, в опочивальне вашего величества, – негромко сказал Гархаллокс. – Не спрашивайте, как мне это удалось... такое мне вполне по силам. Следовательно, знаю и то, что вы приняли решение до времени оставить происшествие в тайне. Именно поэтому я попросил у вас аудиенции без лишних глаз и ушей.

Эрл медленно кивнул, постаравшись ничем не выдать волнения, охватившего его при этом сообщении. Он со своей королевой сидел в креслах, поставленных слугами напротив кресла, занятого магом.

– Среди приближенных ко мне – шпион? – только и поинтересовался он.

– О нет, ваше величество, – расслабленно шевельнул кистью Гархаллокс. – По крайней мере, мне ничего об этом не известно. Для получения сведений я использовал... свои средства.

– Значит, прежде чем решиться прийти сюда, – проговорил король, – ты наблюдал за жизнью во дворце. Ты явился открыто, зная, что рано или поздно тебя остановят на пути к моему королевскому величеству. И ты дал себя избить, хотя легко мог этого избежать. Такое поведение... несколько настораживает, Гархаллокс.

– Такое поведение вполне понятно, – прежде чем ответил маг, произнесла Лития. – Господин Гархаллокс стремится заслужить доверие вашего королевского величества.

– Когда-то... – заговорил маг, – в те времена, когда я был архимагом Сферы Жизни и главою Королевского Ордена Магов, подобное происшествие посчитали бы немыслимым. Чтобы обычный человек с улицы попал во дворец и свободно разгуливал по его коридорам... Об этом мало кто знал, но все входы и выходы дворца тщательно охранялись – не стражниками, нет, ибо обмануть человека ничего не стоит. Паутина множества заклятий висела над Дарбионским королевским дворцом, позволяя Ордену Магов наблюдать за происходящим. Таким образом, королевской семье никак не могли грозить неожиданные вторжения незваных гостей. Эту систему разработал я... совместно с тогдашним первым министром господином Гавэном, покойным дядюшкой вашего величества...

– И эта система помогла взбунтовавшимся магам быстро захватить власть во дворце, подавив сопротивление верных слуг короля Ганелона, – продолжил за Гархаллокса Эрл.

– Эта система была мощным оружием, – не сбился маг. – А вам ли не знать, что оружие – всего лишь оружие. И его легко повернуть против кого угодно. Дело не в этом. Дело в том, что время правления его величества Ганелона Милостивого было временем расцвета Королевского Ордена Магов. И это во многом моя заслуга... А то, что осталось от Ордена сейчас... и Орденом-то назвать нельзя. Я пришел, чтобы служить вам, ваше величество. Я нужен вам.

– Он имеет наглость еще и набивать себе цену, – проговорила сквозь зубы Лития, глядя на Гархаллокса с ненавистью. – Не понимаю, как вообще с ним можно разговаривать...

Маг подался вперед. Несколько алых капель упали с его губ на плиты пола.

– Хотите, я расскажу вам о себе, ваше величество?.. – Он обратился к королеве. – Я родился и вырос в месте, где когда-то находился великий город Тлиперере, созданный магами древности. Слышали ли вы о нем? Уверен, что слышали. Этот город был истинным воплощением человеческой мечты. И погиб тысячи лет назад – тогда, когда бушевала Великая Война.

– Зачем ты рассказываешь нам об этом? – удивился Эрл. – Легенды о сказочном Тлиперере, городе-мечте с его хрустальными башнями, каналами, наполненными благоуханным вином, дорогами, которые двигались сами, подчиняясь желаниям ступившего на них человека, – знает с детства каждый в Гаэлоне. Люди создают подобные сказки для того, чтобы хотя бы в них сбывались их желания.

– Это не сказка! – повысил голос Гархаллокс. – Тлиперере существовал на самом деле! Вам бы спросить об этом у ваших... бывших союзников, ваше величество. Они бы без труда припомнили, как их боевые горгульи крушили когтями хрустальные шпили, как по улицам с самодвижущимися дорогами рыскали их серебряные волки, как огонь пожирал волшебные сады, а в каналах с вином плавали человеческие трупы! Они бы припомнили это, только вряд ли поведали бы об этом вам! Тлиперере создавался целыми поколениями магов, и я – один из потомков этих великих чародеев прошлого, в моей семье предания о городе-мечте бережно хранились сотни и сотни лет, передаваясь от отца к сыну. Как передавалась и ненависть к Высокому Народу, лишившему нас... и все человечество – воплощенной мечты. Мы-то знали, что Тлиперере – вовсе не сказка... Время шло, и нас, знающих истину, оставалось все меньше и меньше. И я... Я оказался последним. Последним из Тлиперере... Как и все в моем роду, я стал магом. Признаться, я не блистал талантами, но я был упорен и трудолюбив. И добился многого. Потом меня нашел Константин... – Гархаллокс вздохнул. – На землях всех Шести Королевств такие выдающиеся личности, как он, появляются раз в тысячу лет... Вопреки строгим запретам, он изучал все четыре Сферы магического искусства сразу – и, объединив знания Сфер, сумел обрести небывалое могущество... И узреть картину мира, недоступную прочим. Он понял, *кто* и *зачем* в незапамятные времена наложил запрет на изучение более чем одной Сферы. И узнал врага. И решил бороться с ним. Во всех Шести Королевствах он искал тех, в ком еще тлела ненависть к эльфам, ненависть, не угасшая за долгие годы, прошедшие со времен Великой Войны. Так появился Круг Истины. О, это были славные годы! Мы трудились неустанно, готовя рождение нового мира. Рождение царства людей! Но... всему этому не суждено было сбыться. Константин оказался заключен в темницу собственной мощи... и стал чудовищем. Я понял, что он обречен, задолго до того, как вы, ваше величество, и ваши... – маг скрипнул уцелевшими зубами, – ваши союзники... разгромили его войско в Предгорье Серых Камней Огров. Но я все равно оставался с ним, потому что мне некуда было больше идти и нечего было делать. Моя жизнь – с того самого момента, когда я встретил Константина, посвящена лишь одному – борьбе за свержение подлой власти Высокого Народа над человечеством. Освободить людей от эльфов – вот чего я желаю и к чему стремлюсь.

Гархаллокс прервался, перевел дыхание и заговорил снова:

– После того как мне пришлось бежать из Дарбиона, я думал, что все кончено. Считаясь по Гаэлону, я каждый день ждал, что меня настигнет мстительная рука эльфов – как случилось со всеми, кто так или иначе был причастен к Кругу Истины. Попав в Крафию, я стал

свидетелем того, как это благословленное Сафом Безмолвным королевство погибает, пожираемое ордами горных варваров Линдерштерна, направляемых эльфами. Мне удалось выбраться оттуда обратно в Гаэлон. И здесь я узнал о том, что в Дарбионе снова появились те, кто противостоит Высокому Народу. И это вдохнуло в меня жизнь... – Гархаллокса словно прорвало, речь его стала быстра и сбивчива, слова прыгали с губ вперемежку с каплями крови... – Я готов служить вам, ваше величество. Я берусь восстановить Орден Магов, ваше величество! Я обещаю сделать его сильнее, чем когда бы то ни было, – и я смогу это сделать. Смогу! Я вижу, что времена изменились, ваше величество, я вижу, что люди начали прозревать. Я вижу, что вы, ваше величество, стали прозревать. Позвольте мне служить вам, ваше величество. Я не требую никакой платы, ничего не потребую... Умоляю, позвольте мне служить вам. Или... Или велите казнить меня. Зачем мне моя жизнь, если вы отвергнете меня? Один я не смогу сделать ничего. А больше никого, кроме вас, повелителя Гаэлона, во всех Шести Королевствах...

Гархаллокс замолчал внезапно, не закончив фразы. Лицо его застыло и потемнело – на несколько мгновений. А потом угасшая было надменная враждебность снова стала разгораться в его глазах. А Лития теперь смотрела на мага иначе. Словно не удержав бурно выхлестнувшись из него чувства, он приоткрыл для королевы истинную свою сущность – сущность человека, всего себя посвятившего одному-единственному делу, важнее которого он ничего не знает. Лития никогда не думала об убийце своего отца в таком ключе... Она неожиданно ощутила в нем... то, что постоянно ощущала в болотниках. Внутренний негнбимый стержень, пылающую жаром сердцевину... Истинный источник великой силы человека. Этот источник давным-давно открыли в себе рыцари-болотники. Этот источник уже начал приоткрываться в ней самой и в северном рыцаре Оттаре. Но этого источника пока не чувствовал в себе ее супруг, Эрл.

Лития взглянула на короля. И произнесла:

– Поступайте как должно, ваше величество. В словах этого человека нет лжи, и доводы его ясны и понятны. Он безусловно может быть полезен. Но... этот человек все же противен мне... по причине, понятной всем нам. Что, в сущности, неважно. Поступайте так, как лучше для королевства.

Эрл отвел взгляд от Литии. Кажется, он и не собирался просить у супруги совета – как ему быть с предложением Гархаллокса. Уголки рта короля дернулись вниз.

– Я подумаю над твоими словами, маг, – сказал он. – А пока что... ты останешься во дворце. Но не вздумай злоупотреблять моим доверием! Ты не гость здесь. Но и не пленник. Ты будешь находиться под наблюдением в покоях, которые тебе выделяют. Тебе запрещается покидать эти покои. Тебе запрещается разговаривать с теми, кто будет прислуживать и охранять тебя. Я дам знать, когда твоя судьба решится.

Гархаллокс вскинул голову и дерзко усмехнулся.

– Что ж, – ответил он. – Это, пожалуй, лучше, чем ничего... Но хуже, чем то, на что я рассчитывал.

Щеки принцессы снова покраснели от гнева. Эрл даже привстал. Первым его порывом было – схватить наглеца за бороду, стащить его с кресла и швырнуть на пол. Но вдруг он понял... Он все понял: почему Гархаллокс явился во дворец открыто и – как сразу догадался Эрл – просто спровоцировал свое избиение. Почему Гархаллокс, предлагая королю свои услуги, которые, если говорить откровенно, трудно переоценить, не ставит никак выгодных для себя условий... И вдруг, прерывая дерзкие речи, принимается умолять и говорить о том, что в случае непринятия его на службу готов безропотно принять казнь... И главное, Эрл понял надменность, пропитавшую лицо и речи мага, надменность, которую тот даже не пытался скрыть. Гархаллокс презирал его, короля Гаэлона. Презирал за то, что Эрл получил свою власть с помощью Высокого Народа, за то, что долгое время Эрл поступал так, как велели ему ненавидимые магом эльфы. Презирал яростно, но... король Гаэлона сейчас являлся тем единственным чело-

веком, который был нужен ему, бывшему архимагу Сферы Жизни Гархаллоксу. Единственным, кто имел возможность сделать так, чтобы жизнь мага вновь наполнилась смыслом...

Что на самом деле руководило Гархаллоксом? Долг служить людям, как он сам говорил? Или страсть – пронесенная через века в крови поколений ненависть к Высокому Народу? Об этом надо было подумать... Хотя... И то, и другое было сейчас одинаково кстати.

Эрл лукавил, когда говорил, что не ждал Гархаллокса в своем дворце. Не так давно он думал о бывшем архимаге Сферы Жизни. Королю жизненно необходим был маг уровня Гархаллокса. Королевский Орден Магов действительно нуждался в восстановлении, ибо находился в крайне плачевном состоянии. Про себя король уже все решил – стоять Гархаллоксу снова во главе Ордена. Но... пусть он немного потомится в ожидании, пусть умерит гордыню и поймет: все будет именно так, как пожелается ему – королю Гаэлону, Эрлу Победителю.

Эрл кликнул ратников у дверей Парадного зала, приказал вызвать троих стражников. Затем, вдруг подумав о чем-то, велел позвать к себе еще и генерала Аймана.

Явившиеся стражники встали у кресла Гархаллокса, но тот отчего-то не спешил подниматься – будто имел к королю еще какое-то дело. Вслед за стражниками вошел сэр Айман. А с ним – сэр Кай и сэр Герб. Лица болотников были строги и озабоченны, что неприятно насторожило короля. Лития поднялась навстречу рыцарям.

– Сэр Кай и сэр Герб, – сказала королева. – Позвольте представить вам господина Гархаллокса. Мага, когда-то являвшегося правой рукой известного вам узурпатора Константина. После поражения, которое потерпел Константин в Предгорье Серых Камней Огров, господин Гархаллокс, опасаясь справедливого возмездия, бежал из Дарбиона и скрылся... Теперь он вернулся, чтобы предложить его величеству свои услуги по восстановлению Ордена Королевских Магов.

Кай кивнул, выслушав Литию.

– Господин Гархаллокс опытный и сведующий маг, к тому же обладающий талантом управления людьми, – сказал болотник. – И дело, которому посвятил свою жизнь, он полагает своим Долгом.

– Поэтому господин Гархаллокс – лучший кандидат на место главы Ордена Королевских Магов, – сказал Герб.

Гархаллокс, кряхтя и морщась, поднялся с кресла.

– Я несказанно рад видеть тех, о ком столько слышал, – кажется, с вполне искренним воодушевлением произнес он.

Но болотники его словно не заметили. И маг снова опустился в кресло.

Лития положила руку на руку супруга, словно говоря: «Вот видишь...» Эрл ответил ей легким пожатием пальцев. Он догадался, что королева обратила внимание болотников на Гархаллокса только для того, чтобы узнать их мнение относительно появления мага в Дарбионе. Большого удовольствия от этой догадки король не испытал. По-прежнему его жена считала мерилom всего и вся рыцарей Болотной Крепости. Но ведь главным человеком в королевстве являлся он сам, не так ли?

Впрочем, нельзя сказать, что Эрл не испытал некоторого облегчения от того, что болотники одобрили предстоящее назначение мага. Он и сам собирался посоветоваться с ними. Но... он – это он. Советоваться можно с кем угодно, а право принятия окончательного решения принадлежит все-таки королю. Но Лития полагала точку зрения брата Кая или брата Герба – истиной, не требующей никаких дальнейших обсуждений.

Герб между тем странной крадущейся походкой двинулся наискосок через весь зал, надолго замирая у каждой из колонн, точно колонны были струнами, протянутыми от пола к потолку, и старик мог почувствовать их колебания: по крайней мере, такое сравнение пришло на ум Литии, когда она стала наблюдать за Гербом. Кай – он остановился неподалеку от две-

рей – медленно поднял к своему лицу сложенные ковшом ладони и почти неслышно что-то зашептал.

Все, заметившие непонятное поведение болотников, удивленно замерли. А Гархаллокс вдруг встревожился – даже привстал, опершись руками о подлокотники кресла.

Эрл вопросительно поглядел на Литию. Та едва заметно пожала плечами. Она тоже не имела понятия, чем заняты Кай и Герб. Король собирался уже прямо окликнуть болотников, но тут к нему обратился генерал дворцовой стражи сэр Айман:

– Чего изволите, ваше величество?

– Чего изволю?... – вздрогнул Эрл и нахмурился, припоминая. – Ах да... Вы уже определили тех, кто виновен в том, что посторонний беспрепятственно проник во дворец, сэр Айман?

– Я не знаю имен всех виновных, – ответил генерал, выражением лица давая понять, что он как раз занят этим делом. – Но узнаю в самом скором времени.

– Как только узнаете, – распорядился король, – гоните их в шею с королевской службы.

Генерал вздернул брови.

– Но, ваше величество, – несмело проговорил он, – не слишком ли строго вы караете? Господин Гархаллокс – искусный маг. Он мог использовать свои силы, чтобы проникнуть незамеченным.

– Он не применял магию.

– Но... такому могущественному магу вовсе не обязательно произносить заклинание, дабы повлиять на действительность. Вы же знаете... опытный чародей одним лишь взглядом способен заставить посмотревшего на него человека тут же забыть все, что тот видел. Может быть, ваше величество, достаточно понизить провинившихся в должности? А рядовых стражников выпороть плетью на заднем дворе?

«Все как всегда, – утомленно подумал король. – Кто-то из виновных – родственник генерала... Или родственник приятеля генерала. Или ставленник того, у кого генерал в долгу...»

– Гнать в шею, – резче повторил король.

Он посмотрел на Кая. Тот, закончив шептать, дунул в свои ладони. Станный приглушенный гул пошел по залу – будто долетел откуда-то издалека удар колокола. Седобородый Герб, только услышав этот звон, остановился и, осклаившись, всплеснул руками. Из-под ногтей старого болотника потекли густые струи черного дыма.

Впрочем, Эрл не мог видеть Герба – тот находился у него за спиной. Герба увидел Гархаллокс. Маг, округлив глаза, встал на ноги.

– Постойте! – сорвавшимся голосом выкрикнул он. – Я прошу вас, не надо!

Лития тоже вскочила, инстинктивно ища у пояса рукоятку несуществующего меча.

Эрл, непонимающе глядя то на Гархаллокса, то на Литию, все же договорил только что пришедшую ему в голову мысль:

– Если они пожелают вернуться на королевскую службу – добро пожаловать в Училище. Нынче каждому по силам заработать право служить моему величеству... И, кстати, не по должности бдительный сэр Валисиан тоже... В чем дело, господин Гархаллокс?

– Ваше величество!.. – воскликнул маг.

Но договорить не сумел.

Кай с силой дунул в свои ковшом сложенные ладони, оттуда к потолку рванул столб серого дыма, мгновенно закрутившегося в воронку. Высокий потолок тотчас заволокло серыми клубами. И короткий нечеловечески-низкий рев сотряс зал. Рев был так оглушительно громок, что воспринимался как вполне материальная субстанция – будто громадный черный валун рухнул на пол.

Какая-то стремительная темная фигура выскользнула из клубов серого дыма под потолком – и заметалась между колоннами, словно гигантская перепуганная птица. Впрочем, кроме

болотников, вряд ли кто-то из присутствующих в зале мог бы увидеть эту фигуру – с такой невероятной скоростью она двигалась.

Эрл и сам не понял, как в его руке очутился меч. Свободной рукой он обнял Литию и закружился на месте, пытаясь высмотреть предполагаемого врага. Перекошенные лица стражников замелькали перед ним. Он увидел, как генерал Айман ползал по полу, ловя подпрыгивающий, убегающий от него меч, – и только тогда понял, что пол зала трясется, словно по нему колотят молотами невидимые великаны. А потом Эрл увидел Гархаллокса. Бывший архимаг стоял, попирая ногами обломки кресла, и что-то кричал, воздев руки. Кровь брызгала из его разбитого рта, но ни слова из того, что он кричал, слышно не было. И Эрл осознал, что он вообще ничего не слышит. Это было очень странное ощущение – все вокруг вертелось абсолютно бесшумно. Должно быть, рев, ударивший с потолка, оглушил его.

Не отпуская Литию, король рванулся к магу. Тот заметил это, отшатнулся и, не удержавшись на ногах, упал. В это мгновение Эрл почувствовал, что Лития, вцепившись ему в локоть, пытается его остановить. Первой мыслью короля было – это Гархаллокс пленил ее разум, сделав королеву своей невольной союзницей. Но, обернувшись к Литии, Эрл понял, что это не так. Лития предостерегающе кричала ему что-то, чего он не слышал, и указывала наверх.

Король задрал голову, одновременно вскинув над головой клинок, чтобы защитить и себя, и жену от возможной опасности...

Под потолком билось в воздухе какое-то существо, словно сотканное из косматых лоскутов белесого тумана. Две дымных плети удерживали его. Конец одной плети являлся продолжением руки Герба, конец другой – руки Кая.

Оба болотника медленно вращали кистями рук, точно наматывая плети на кулак, – и существо, судорожно извиваясь, опускалось все ниже и ниже.

– Остановитесь... – проник в уши короля крик Гархаллокса, такой тихий и бессильный, что казалось, он шел из-под толщи воды. – Остановитесь, прошу вас...

– Это он болотникам, – догадался Эрл и вдруг услышал собственный голос. Оказалось, он произнес то, о чем думал, вслух.

Существо, опускаясь, слабело все больше. И окружающая действительность постепенно обретала привычные очертания. Пол больше не сотрясался. Дымная завеса под потолком рассеивалась... Стражники сбились в кучу, ошестиненную поблескивающими клинками. Генерал Айман поймал-таки свой меч и теперь шел к королю на подгибающихся ногах осторожно, будто каждый миг ожидал того, что жуткая свистопляска начнется снова.

И лучше стало слышно то, что, надрываясь, кричал Гархаллокс:

– Он пришел с миром! Сэр Кай! Сэр Герб! Он не тот, кого вы видите в нем! Он – другой! Он – враг Высокому Народу! Он пришел, чтобы предложить вам свои силы и свое знание!

Болотники, обменявшись взглядами, резко дернули свои плети – одновременно каждый на себя.

Существо грянуло на каменные плиты пола. Ошметья тумана разлетелись во все стороны, как перья подбитой птицы, и растаяли в воздухе... И тогда все, кто был в Парадном зале, увидели на полу стиснутого дымными плетями эльфа – без маски, с оплавившимися волосами, безобразно налипшими на голову, почти обнаженного, перепачканного копотью, – эльфа, неподвижно лежащего в какой-то изломанной позе, точно поверженная статуя древнего божества.

От изумления Лития вскрикнула. Эрл сжал зубы, удобнее перехватил рукоять меча. А стражники разразились испуганными криками. Большая часть из них, побросав мечи, ринулась в сторону выхода, но несколько – остались в зале, стянув вокруг короля и королевы плотное кольцо. Кай мельком оглянулся на тяжелую двустворчатую дверь, выплюнул несколько хриплых слов – дверь с треском захлопнулась за спинами беглецов, и выросшие прямо из напольных плит черные колючие стебли закрыли собой дверные створки.

На долгих три удара сердца установилась ломкая, будто осенний лед, тишина. Слышно было лишь, как глухо шипели магические плети, которыми болотники удерживали своего пленника. Потом Герб размеренно произнес:

– Действительно, это создание нельзя считать Тварью. Оно – не дитя Высокого Народа. Оно... другое, я чувствую это.

– Кто ты такой и как твое имя? – выкрикнул Кай.

Плененный поднял голову. По лицу его то и дело пробегала мутная рябь, и оттого нельзя было понять – красиво это лицо или отталкивающе.

– У меня нет имени, – негромко и певуче произнесло существо, показав из-за тонких губ острые и мелкие клыки. – Я – Не Имеющий Имени. Я пришел с миром.

Глава 3

Рекрут королевского Училища Гором глотнул из фляги и сморщился – вода оказалась теплой и отдающей тухлятиной. Через силу глотнув еще пару раз, он вылил остатки воды себе на голову, покрытую белой повязкой.

– Вот печет, – фыркнул рекрут, бросив флягу ее владельцу, худосочному пареньку, который, тяжело дыша, сидел на корточках рядом с ним. – На камнях яичницу жарить можно...

Паренек подобрал флягу, опрокинул ее над пересохшим ртом, надеясь смочить его хотя бы каплей, – и обиженно сморщился. Фляга была совершенно пуста.

– Чего рожу кривишь? – строго прикрикнул на него Гором. – Камни рассыпал? Рассыпал. Надо было узел покрепче вязать. Вали теперь вниз, собирай камни заново. Ну, поворачивайся!

Вздыхнув, паренек начал спуск... А Гором, выпрямившись на валуне у самой вершины горы, упер руки в бока, наблюдая за тем, что творится внизу.

Ну и народищу стеклось к Бычьему Рогу! На две большие деревни хватит, наверное. Если всем взяться – так они эту гору по камешкам разберут за полдня. Такое бы испытание положили кандидатам в рекруты, вот бы смеху тогда было... Но испытание осталось прежним, и людишки карабкались на вершину Рога, кряхтя под тяжестью узлов и мешков, набитых камнями. Кто помоложе, поздоровее и половчее, преодолевали препятствие с первого или со второго раза. Остальные оставались у подножия горы на ночевку, чтобы на следующий день повторить попытку. Некоторые жили здесь по несколько дней. В окрестностях Бычьего Рога появились шалаши и палатки, предприимчивые торговцы из города каждый день привозили сюда на телегах хлеб, мясо, овощи, вино и пиво.

Мастер Кай и старший мастер Герб (так они сами велели называть себя – без «сэров», без «господ» и прочего) управлялись с рекрутами на Грязном дворе. А мастер Оттар ведал первым испытанием. Только разве один человек с такой прорвой народа совладеет? Вот и второй день уже как начал мастер Оттар брать с собой к Бычьему Рогу помощника-добровольца из числа рекрутов. Вчера Гором такую возможность прозевал, а сегодня с утра сделал так, чтобы первым попасться северянину на глаза. Обязанности рекрута Гором на Бычем Роге были нехитрые – следить за тем, чтобы все шло по правилам. Народишко-то жуликоват. Кто-то мешок свой или узел травой набивал вместо камней. Кто-то нанимал здоровягу какого-нибудь, чтобы тот – вроде бы как самостоятельно штурмует вершину Рога – на самом деле помогал своему хозяину. А самые хитрожопые умудрялись ночью взбираться на гору налегке, набивать узел на самой вершине и прятаться там между валунами до утра. Когда с первыми лучами солнца на горе появлялись люди, они незаметно покидали свои убежища – и начинали спуск по ту сторону Бычьего Рога, довольные тем, что вдвое облегчили себе задачу... В это утро мастер Оттар троих таких гавриков отловил... Ну и еще Горому нужно было снимать с валунов тех, кто совершенно обессилел или поранился. В общем, ничего сложного.

Куда проще, чем в Училище. Задания-то эти, которые мастера выдумывали, Гором проходил без особого труда. Ну что там такого – камни тягать с места на место. Кучу громадных булыжников высотой с человеческий рост перетаскивали с одного конца Грязного двора на другой – Гором за пару часов управился, а другие целый день валандались...

Или по тонкой жердочке ходить, провешенной меж двух столбов на порядочной высоте, – с этим Гором тоже легко совладал, вспомнив, как в детстве по заборам лазил. Или еще кое-что: мастера ставили рекрутов в пары и заставляли одного кидаться камнями в другого. Гором, будучи сопляком, таким манером подшибал соседских кур и уток, чтобы отнести их в лес, поджарить там и полакомиться. Так что тому, в кого он швырял камни, пришлось туго – редкий снаряд не попадал в цель. Зато потом, когда «охотник» и «жертва» поменялись ролями, пришлось несладко и самому сыну кузнеца. Обозленный и окровавленный его напарник ста-

рался изо всех сил. Несколько раз Горому не удалось увернуться, и он на своей шкуре ощутил, каково приходилось тем курам и уткам...

Конечно, выпадали задания и посложнее: например, третьего дня учил мастер Кай рекрутов подкидывать в воздух один за другим камни, подкидывать и ловить, чтобы камни не падали. Называлась такая штука – жонглирование... Выговорить еще труднее, чем исполнить... Впрочем, Гором быстро научился жонглировать сначала двумя, а потом тремя камнями, но переходить к четырем и пяти, как делали другие, не спешил. Нарочно то и дело ронял камни. Хотя мастер Кай говорил, что задание будет считаться выполненным лишь после того, как рекруты сумеют удерживать в воздухе сразу по десять камней, Гором надеялся, что уж до такого-то не дойдет... Рано или поздно мастера про эту блажь забудут – и наконец перейдут к тому, ради чего сын кузнеца и решил задержаться в Училище: обучению рекрутов искусству боя. Подождем. Попридуриваемся пока, покидаем камешки... Ему бы только эту науку освоить, и больше ничего не надо. Никакой королевской службы, ну ее к псам... Вольные леса и проезжие дороги, по которым путешествуют жирные купчики, ждут Горому...

А вот влезть на верхушку башни в связке с напарником – это оказалось легче легкого. Привязали к Горому какого-то хилняка, тот его на себе и вволок на крышу, приказав заранее: будешь дергаться – придушу. Виси знай. Тот и висел.

Короче говоря, задания – это ерунда для Горому. Самое поганое то, что мастера сразу поставили дело в Училище таким образом, что ни одному из рекрутов ни минуты поваляться в тенечке было нельзя. То воду носи, то двор мети, то овощи режь для похлебки... да еще и разговоры пошли, что вот-вот рекрутов заставят башню разбирать и заново складывать, чтобы еще сто лет простояла. А от такой работы сыну кузнеца и дома кисло было. Для того он, что ли, деревню свою покинул, чтобы здесь вкалывать?

Потому-то нынешней ночью прокрался к лежанке того парня, который помогал мастеру Оттару накануне. И, как мог доходчиво, объяснил, почему наутро с северянином к Бычьему Рогу пойдет именно он, Гором.

Парень, показывая, что понял, изо всех сил кивал головой. Говорить он в тот момент не мог. Трудно говорить, когда твое горло сжимает сильная ручища...

...Гором обернулся на свист. Мастер Оттар, показавшись на валуне неподалеку, призывно махнул ему рукой. Гором, ловко скользя по камням, добрался до северянина.

– Звали, мастер? – осведомился он.

– А то что – просто так руками махал? – подтвердил Оттар, глядя на рекрута с одобрением – тот за сегодняшний день приноровился лазить по кручам еще лучше прежнего. – Как, сильно устал?

– Да нисколько! – преувеличенно бодро отозвался Гором.

Мастер Оттар, простецкий детина, лишь на несколько лет старше самого Горому, нравился сыну кузнеца много больше двух других мастеров. Мастер Кай хоть и был с виду одних лет с Оттаром, но, по мнению Горому, чересчур важничал, вел себя так, словно ему по меньшей мере годов сорок или пятьдесят. А по отношению к старшему мастеру Гербу рекрут вообще испытывал почти что суеверный ужас, старался не попадаться тому на глаза.

– Хорош, – оценил Оттар, быстро оглядев Горому с головы до ног. – Здоровый парнина... Толк из тебя будет. Ежели, конечно, сам того захочешь. Теперь вот что – иди на ту сторону горы, собирай тех, кто прошел испытание. Таких уже с полсотни набралось. Вернее, сорок четыре человека. Считать хорошо умеешь?

– А то ж! – гордо ответил Гором. – Давно уж научился. Папаша учил, еще маленького. Чего тут сложного? Главное, до десятка выучить, а там уж – только десятки и складывать. До сколько хошь считать могу.

– Вот и валяй. Посчитай всех, только не ошибись. Построй в две шеренги по двадцати одному человеку в каждой и веди к Училищу. Понял?

– Чего не понять... – ответил Гором внезапно севшим голосом.

Вот это да! Его, сына кузнеца, да главным назначают – над целой полусотней! Конечно, временно, но разве это важно... Ай да мастер Оттар! Разглядел в нем достойного. Вот бы деревенские посмотрели на него, как он шествует во главе шеренг!

Сердце Горомы колотилось бешено, когда он спускался к подножию Бычьего Рога. Он торопился – и сам не знал почему – так, что несколько раз едва не сорвался. Спустившись, бросился бегом к тому месту, где сгрудились новоявленные рекруты Училища, но... пробежав совсем немного, опомнился и зашагал медленно, с достоинством.

Рекруты сидели и лежали на траве, возбужденно переговаривались, часто смеялись – радовались тому, что (как они наивно полагали) главные трудности уже позади.

Гором подошел поближе и остановился. Поправил белую повязку на голове и скрестил на груди руки. Он ожидал, что при его появлении новички тут же повскакивают на ноги, но этого не произошло. Кое-кто оглянулся на него – и все.

– Ну, гады... – скрипнул зубами Гором. – Сейчас узнаете... Встать! – гаркнул он так громко, что едва не сорвал горло. – Встать, кому сказано!

Новички замолчали. И, удивленно переглядываясь, стали один за другим подниматься на ноги. Сын кузнеца даже вздрогнул, впервые испытал сладостное чувство власти над другими. Ничего подобного он раньше не ощущал. Это чувство было похоже на... радость от победы в трудной драке... только гораздо сильнее и приятнее.

– Меня зовут рекрут Гором, – сурово сдвинув брови, объявил парень. – Запомните с первого раза, дважды повторять не буду. Сейчас вы построитесь и... Кому там еще не ясно, что я приказал – встать! – рявкнул он, углядев, что кто-то до сих пор сидит на травке, продлевая мгновения блаженного отдыха. – По-другому объяснить?! Это я мигом! Ежели слова не понимаете, кулаками объяснять буду! Ты, лысый, не прячься за спинами, я тебя вижу! Встать, говнюк! А ты, борода, чего рот раззявил? Дома на лавке жопу чесать будешь, а здесь тебе не дом, понял?! Значит, сейчас вы построитесь в две шеренги, и я поведу вас в Дарбион, в Училище. Всем ясно?

– Ясно... ясно... – вразнобой прогудели несколько человек.

– Ну, ежели ясно, тогда и начнем, – отрубил Гором.

Полсотни пар глаз смотрели на него: внимательно, испуганно, недоуменно, ожидающе... И вдруг Гором смешался. Одно дело: приказать подняться на ноги, совсем другое – превратить эту толпу в две одинаковые шеренги. Как это сделать-то? Оказывается, командовать вовсе не так просто...

– Это... – буркнул он. – Сейчас... половина из вас в одну сторону... А вторая половина, значит, в другую...

Толпа беспорядочно заколыхалась сама в себе. И стала рассыпаться на множество кучек.

– Да не так! – заорал Гором. – Вот бараны! Сказал же вам – одна половина – туда, другая – сюда!

– Рекрут Гором! – К сыну кузнеца, сильно хромая, направился невысокий худощавый парень. – Позволь, я помогу. Лучше так сделать: вызывай по двое, и каждую следующую пару ставь в затылок предыдущей. Как раз две шеренги и получится.

Гором едва не выругался от изумления, узнав этого хромого недоноска. Он же явился к Бычьему Рогу в день первого испытания! Гором прекрасно помнил, как парень корячился на горных валунах, тратя на каждый шаг вверх столько сил, сколько ему самому понадобилось, чтобы преодолеть весь путь. Это что же – все шесть дней, которые прошли с той поры, когда Гором стал рекрутом, этот огрызок упрямо пытался пройти испытание? И – прошел? Да не может такого быть. Наверняка как-то исхитрился обмануть мастера Оттара. И теперь еще имеет наглость вылезать с советами! Внутри у рекрута все зачесалось от предвкушения забавы.

– Ишь ты... – прищурился Гором. – Думаешь, всех перехитрил? Нет, урод, не на тех напал. Нас, рекрутов королевского Училища, так просто не проведешь.

– О чем ты, рекрут Гором? – удивился парень.

– Сейчас поймешь, недоносок, – пообещал Гором. – Ну-ка, подойди сюда...

Он подался вперед, чтобы схватить хромого задохлика за ворот грязной заплатанной рубахи, но тот вывернулся из-под его руки. Моментально озлившись, Гором пнул паренька, целя ногой в живот, но этот калека успел отскочить назад – несмотря на хромоту, движения парня были точны и ловки. «Пожалуй, он и на самом деле сумел пройти испытание», – подумал Гором. Но это уже было неважно. Не дав себя ударить, парень тем самым глубоко оскорбил сына деревенского кузнеца. А сносить оскорбления Гором не привык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.